

STUDIUM JUVENIS

**Межвузовский сборник трудов
молодых ученых**

Выпуск 13

STUDIUM JUVENIS

**Межвузовский сборник трудов
молодых ученых**

Выпуск 13

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения

STUDIUM JUVENIS

**Межвузовский сборник трудов
молодых ученых**

Выпуск 13

Челябинск
2021

УДК 4(06)

ББК я54

С 88

Рекомендовано учебно-методическим советом кафедры
«Международные отношения, политология и регионоведение»
Южно-Уральского государственного университета

Научный редактор: О. Н. Кондратьева,
доктор филологических наук
Ответственный редактор: Н. Н. Кошкарлова,
доктор филологических наук

С88 **STUDIUM JUVENIS** : Межвузовский сборник трудов молодых ученых : электронное издание / Науч. ред. О. Н. Кондратьева, отв. ред. Н. Н. Кошкарлова. – Выпуск 13. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. – 84 с.
ISBN 978-5-93162-564-5

В сборнике представлены статьи молодых ученых, посвященные актуальным проблемам лингвистики и теории межкультурной коммуникации, методологии дискурсивных и когнитивных исследований, использования языка в различных типах дискурса, методики обучения русскому и иностранным языкам, межкультурной коммуникации, современных проблем мироустройства, глобального и регионального экономического развития. Общие задачи издания – обмен новейшей информацией в указанных областях науки.

Материалы предназначены для преподавателей, аспирантов и студентов, в сфере интересов которых находятся вопросы, рассмотренные в сборнике.

УДК 4(06)

ББК я54

ISBN 978-5-93162-564-5

© ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ), 2021

© науч. ред. О.Н. Кондратьева,

отв.ред. Н.Н. Кошкарлова, 2021

© Коллектив авторов, текст, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бойко А.В.</i> КАТЕГОРИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	7
<i>Болотова Ю.С.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТОПОНИМОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ	12
<i>Вагина Т.С.</i> ОБРАЗ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	17
<i>Ван Хуэйхуэй</i> ОБРАЗ МОНАРХА В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	22
<i>Ван Цзинвэнь</i> СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	26
<i>Ли Мэйци</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	30
<i>Русалина А.В.</i> ТЕМАТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	36
<i>Чжан Тао</i> ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	40
<i>Чжао Сюэ</i> ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА В РЕЧИ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ	44

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Зырянов И.А.</i> УКРЕПЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И АФРИКАНСКИМ КОНТИНЕНТОМ В XXI ВЕКЕ	48
<i>Кондрашкина А.А., Фейгин В.Е.</i> ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ (БСВ): ВОЕННО – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	52

<i>Печура А.Е.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАНАДЫ В АРКТИКЕ	57
<i>Серокурова Д.С.</i> БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	61
<i>Скулыбердина А.Ю.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В КОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	65
<i>Стрежнев В.О.</i> СЕТЕВАЯ ДИФфуЗИЯ ВЛАСТИ	70
<i>Чаплыгин М.Е.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЧЕЛЯБИНСКЕ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВВ.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	73
<i>Шамин М.А.</i> ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КОСМОСА	78

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бойко А.В.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

КАТЕГОРИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуется категория футуральности, или категория будущего времени, в политическом аспекте и средства ее выражения. Будущее в политическом дискурсе может выражаться «ядерными» и «периферийными» средствами. В работе были задействованы такие методы исследования, как дискурсивный анализ, интерпретация и обобщение языкового материала.

Ключевые слова: политический дискурс, лингвополитическая прогностика, категория футуральности, будущее время, средства выражения.

The Category of Futurity in Political Discourse Boiko A.V. South-Ural State University

The article examines the category of futurity, the category of future time, in the political aspect and the means of its expression. The future in political discourse can be expressed by “nuclear” and “peripheral” language means. The paper involves such research methods as discursive analysis, interpretation and generalization of language material.

Key words: political discourse, linguistic and political prognostics, the category of futurity, future tense, means of expressiveness.

Будущее – это уникальная черта понимания времени. Время формирует человека в социальном аспекте, а человек, в свою очередь, – время. В связи с этим у человека возникает желание узнать и предсказать будущее [17]. Прогнозирование будущего зависит от восприятия настоящего, а оно, в свою очередь, в той же степени – от

восприятия прошлого. «Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [16: с. 151].

Время являет собой единство прошлого, настоящего и будущего [7, 13, 16]. Последнее является неотъемлемым компонентом политической деятельности, поскольку любое политическое действие нацелено на результат, и как следствие, его можно спрогнозировать. Это определяет актуальность лингвополитической прогностики, которая является новым направлением в изучении политического дискурса, объединяющего положения и инструментарий прогностики, лингвистики, лингвополитологии и когнитивной лингвистики [11].

Совершая то или иное действие, человек рассчитывает на определенный результат, поэтому целесообразным является предвидение результатов предпринимаемых действий. Научным знаниям также свойственна прогностическая функция. Еще в XX веке Ф. Бэкон отметил, что прогнозирование – это одна из главных функций науки [3].

Одной из центральных проблем синергетического подхода является научное познание будущего. Этот подход включает в себя философскую рефлексию, предметное знание и моделирование будущего [10]. Предметом исследования синергетики выступают сложные саморазвивающиеся системы, анализ развития которых осуществляется с помощью «особой системы абстракций, отождествляемых с реальностью» [12: с. 18]. Концепции и представления данного подхода позволяют увидеть главные тенденции современного общества, понять их и предвосхитить их будущее развитие: «самый надежный способ предугадать будущее – понять настоящее» [5: с. 10].

Политическое прогнозирование «вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представление и волю, способные его произвести» [2: с. 34]. Политическое настоящее выступает как горизонт возможностей, который обеспечивает связь между целями, ценностями и способами достижения желаемого будущего. Этот феномен может быть объяснен самой природой политической деятельности, которая изначально нацелена на отображение предлагаемого ею политического будущего [9].

Опираясь на события действительности, анализ политического настоящего устремлен на определение факторов развития настоя-

щего, которые могут привести к желаемому результату и показать картину общего вектора будущих событий [11]. Прогнозирование в политическом дискурсе анализирует предыдущие события общества, с целью «обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты» [15: с. 132].

Н.В. Немирова приводит следующее определение политического прогнозирования: «моделирование развития событий, отражающих особенности внешней и внутренней политики отдельного государства, а также взаимодействия между государствами; к этому типу прогнозирования относятся и прогнозы эволюции человечества в зависимости от политических преобразований» [6: с. 148]. Моделирование будущего в политическом дискурсе может охватывать значительное количество вариантов развития того или иного государства в определенном политическом контексте.

Философское осмысление будущего XX века привело к появлению новой науки о будущем – футурологии. Основное предположение футурологии состоит в том, что у будущего существует не один возможный вариант, а множество альтернатив. Руководствуясь этим положением, футурология описывает возможное развитие существующих тенденций, «предлагает сценарное представление возможных вариантов, нацеливает на выбор желаемого будущего и выявляет способы его достижения» [10: с. 35]. Многогранность будущего позволяет политикам моделировать его по своему усмотрению, при этом им нет необходимости аргументировать свои действия фактами, поскольку они ссылаются на решение проблем в будущем и пытаются вызвать к эмоциональной сфере адресата: «будущее – время, о котором мы не знаем ничего, но питаем иллюзию, что можем его изменить» [8: с. 56-57]. Для минимизации ущерба происходящих событий, необходимо изучить какими средствами выражается футуральность в политическом дискурсе, с целью выявления возможных вариантов развития будущего.

Категория футуральности, она же категория будущего времени, в политическом дискурсе может выражаться «ядерными» средствами выражения поля футуральности (футурум I) и «периферийными» средствами (футуральный презенс, модальные глаголы, футурум II, временные наречия) [4]. Данная категория включает в себя средства выражения морфологического, синтаксического, лексического и лексико-грамматического уровней [1]. Изучение этих средств вы-

ражения будущего времени в политическом дискурсе дает возможность эффективно исследовать дискурс политиков, чтобы смоделировать предсказывающие модели этого дискурса.

Таким образом, инструментарий лингвополитической прогностики, в данном случае категория футуральности, в политическом дискурсе позволяет снизить неопределенность в знании о будущем. Данная категория предоставляет возможность предвидеть желаемое будущее, моделируемое политиками, настоящих событий и рассмотреть возможные варианты его достижения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. 136 с.

2. *Бурдые П.* Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действенности. Логос. 2003. № 4–5. 34 с.

3. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1972. 582 с.

4. *Каримова Г.А.* Средства выражения футуральности в газетном тексте // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2009. № 4. С. 33–40.

5. *Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

6. *Немирова Н.В.* Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 148–155.

7. *Пирожкова С.В.* Предвидение и его эпистемологические основания. // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=421&Itemid=52 (дата обращения: 30.01.2021).

8. *Подольный Р.Г.* Освоение времени. М.: Политиздат, 1989. 143 с.

9. *Сенцов А.Э.* Моделирование политического будущего в партийных программах: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 193 с.

10. *Солопова О.А.* Лингвополитическая прогностика: Сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США И Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : автореф. диссертации д. филол. наук. Челябинск, 2006. 27 с.

11. *Солопова О.А.* Значимый «другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американ-

ского политического дискурса XIX века) // Политическая лингвистика. 2016. №1 (55). С. 126–135.

12. *Степин В.С.* О философских основаниях синергетики // Синергетика: Будущее мира и России; под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 17–23.

13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.

14. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

15. *Шмитт Ж.К.* Овладение будущим // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 127–148.

16. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

17. *Chudinov A.P., Solopova O.A.* Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 200. P. 412–417.

Болотова Ю.С.
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТОПОНИМОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Статья посвящена описанию специфики топонимической системы Соединенных Штатов Америки. В ней рассматриваются топонимы в языке и культуре народов США, особое место уделяется способам словообразования, этимологии и влиянию на топонимическую систему других факторов. Анализ топонимического материала исследования может быть использован студентами языковых специальностей и широким кругом лиц, изучающих язык, историю и культуру США.

Ключевые слова: топонимы, ономастическая наука, топонимика, аффиксация, суффиксальное образование, топоформанты, полуаффиксы.

WORD-FORMATION PECULIARITIES OF THE USA PLACE-NAMES

Bolotova Y.S.

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University

The article describes of the specifics of the toponymic system of the United States of America. It dwells upon the geographical names in the language and culture of the peoples of the United States. It highlights the methods of word formation, etymology and the influence of other factors on the toponymic system of the USA. This analysis of the toponymic research material can be used by senior students of language specialties and a wide range of people studying the language, history and culture of the United States.

Key words: place-names, onomastics, toponymy, affixation, suffix formation, topoformants, semi-affixes.

Целью работы является выявление этнокультурной значимости и интегративного статуса топонимической системы США и выделение основных способов образования топонимов.

Взаимодействие народов на всех этапах их исторического развития отражается и проявляется в этнической истории. Этническая история представляет собой сложный и многогранный процесс, который затрагивает язык, духовную и материальную культуру. Актуальность нашей работы обусловлена национально-этническими особенностями, которые проявляются в культуре народа, фиксируются в языке и служат предметом исследований лингвистов, этнологов, историков, психологов и многих других ученых. Одновременно с этим важно также иметь представление о системе географических названий этой страны и способах их образования.

Топоним, как и слово, состоит из морфем, но при рассмотрении состава географических названий правильнее говорить о топоосновах и топоформантах. [1, с. 240] Топооснова – это смысловой компонент географического названия, не существующий в чистом виде, но обязательно дополняющийся до целых слов с помощью топоформатов – вспомогательных элементов. Например, для топонимии Англии характерными суффиксами являются: –ton (Boston), –ham (Gresham), –ley (Berkeley), которые мы также можем встретить и в топонимии США.

Формирование топонимов происходит с помощью нескольких способов. Одним из них является топонимическая конверсия – довольно продуктивный способ словообразования в топонимии США (примерно 36,4% изученных нами топонимов были образованы данным способом). Основой таких топонимов зачастую служат имена выдающихся личностей, что позволяет выявить и эксплицировать этнокультурную информацию, связанную с социокультурной структурой общества, например с одной из главных особенностей национального характера американцев – патриотизмом: Kennedy (Миннесота) – 35 президент США; Bismarck (столица Северной Дакоты) – канцлер Германии; Sherman (Техас) – военачальник времен Техасской революции.

Нередко встречаются названия поселений в Европе, что связано с психологическим аспектом приспособления к новой действительности переселенцев и свидетельствует об их желании назвать поселения своими (домашними) названиями новые места пребывания, чтобы эмиграция и адаптация переносилась легче. Например: Buxton (Мэн) – имя города основателей Бакстона в графстве Норфолк; Portsmouth (Виргиния) – название города Портсмут в графстве Гемпшир.

Реже в качестве основы используются нарицательные существительные в качестве вербально фиксированной системы наивно-бытового и историко-социального опыта, полученного в результате длительного развития народа и выступает уникальным средством отражения окружающего мира: Luck (Висконсин); Phoenix (Аризона); Knight (Невада); Liberty (Теннесси); Bath (Maine).

Следующим способом словообразования являются заимствования, которые можно классифицировать в зависимости от языка, из которого они пришли, и их распространенности на территории США.

Заимствования из индейских языков лишь немного уступают топонимической конверсии (примерно 22,7%), при условии того, что ровно половина названий штатов происходит от индейских языков, в которых основой может являться название или язык племени, населявшего данную территорию, что говорит нам не только о наивной картине мира индейцев, но и отражает пространство в сознании людей, предопределяя их взаимоотношения с окружающим миром: Waco (Техас) – от названия племени Wichita; Chengwatana (Миннесота) – язык Оджибве; Миннесота – с языка племени Дакота – «вода укрытая небом».

Заимствования из французского языка сложно назвать высокопродуктивным способом, лишь 13,6% всех топонимов можно отнести к этой категории. Узнать французские заимствования мы можем благодаря характерным топоформантам, которые представляют собой объективацию значимых этнокультурных концептов, например: bois – лес (Boise, Bois de Sioux River, Dubois); mont – гора (Fremont, Belmont, Clermont, Altamont); lac – озеро (Lac qui Parle, North Fond du Lac, Lac du Flambeau); vue – вид (Bellevue); belle – красивый (Belleville, Belle Meadow, Belle Chasse)

Тем не менее, могут встречаться заимствования и без характерного топоформанта, что вновь дает нам понять важность психологического аспекта в топонимической системе: Cache River (река, Иллинойс); Detroit (Мичиган); Baton Rouge (Луизиана); Sioux Falls (Южная Дакота); Louisiana.

Испанские заимствования не являются высокопродуктивным способом, т.к. не во всех регионах он используется широко, а в некоторых наблюдается его полное отсутствие (лишь 18,2% является исконно испанскими). [1, с. 240]

Безусловно, существует несколько признаков определения испанских заимствований:

1. Испанские определенные артикли La, El, Los, Las: El Cajon, Las Vegas, Las Cruces, Los Angeles, La Porte, La Fontaine и т.д.

2. В составе топонима наблюдается прилагательное «santo»: (San Francisco, San Antonio, San Diego, Santa Ana, Santa Clarita, Santa Maria, Santa Barbara

3. Можно наблюдать испанский топоформант, выражающийся в ландшафтных топонимах, которые со временем становятся этническими символами, которые несут в себе идеалы и ценности культуры, например: Sierra (горная цепь) – Sierra Nevada и Rio (река) – Rio Grande, Del Rio и т.д.).

4. Топонимы, которые возможно узнать, имея лишь знания испанского языка: Modesto, Amarillo, Mesa, Sacramento, Chico, Colorado, Nevada, Pueblo.

В данном случае внутрисемантические связи между знаками-топонимами оказываются сильнее корреляции знаков с репрезентируемыми ими объектами действительности.

Но в топонимии США существует еще один ряд словообразовательных морфем – полуаффиксы, которые больше не функционируют как самостоятельные слова, а их значение обобщено. Данный способ трудно назвать продуктивным (примерно 9,1 %). Самыми распространенными

полуаффиксами являются: **-ville**: Jacksonville (Флорида), Nashville (Теннесси), Louisville (Кентукки), Huntsville (Алабама), Brownsville (Техас), Roseville (Калифорния); **-polis**: Indianapolis (Индиана), Annapolis (Мэриленд); Thermopolis (Вайоминг); **-town**: Allentown (Пенсильвания), Georgetown (Техас), Blountstown (Флорида); **-city**: Salt Lake City (Юта), Oklahoma City (Оклахома), Kansas City (Миссури); **-land**: Brookeland (Северная Каролина), Oakland (Калифорния), Cleveland (Огайо), Sugar Land (Техас).

Анализ карты США говорит о неоднородности наименований в различных штатах страны. Формирование топонимики любой территории зависит от времени, экономических и социальных условий, свойственных для данной территории традиций в каждый исторический период. Таким образом проблема топонимической картины мира актуальна для современной лингвистики в силу ее этнокультурной значимости и интегративного статуса, т.к. она отражает не

только корреляцию историко-социальных, но и языковых аспектов развития народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беленькая, В.Д.* Очерки англоязычной топонимики. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

**ОБРАЗ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)¹**

В статье рассматривается моделирование образа России в американском публицистическом дискурсе в период с 1.08.2020 по 31.12.2020. По результатам проведенного исследования корпуса статей делается вывод об использовании спортивной метафоры для интерпретации действий России.

Ключевые слова: информационная война, метафорическое моделирование, спортивная метафора.

**MODELLING RUSSIA'S IMAGE DURING CORONAVIRUS
PANDEMIC (AMERICAN MEDIA DISCOURSE DATA)**

Vaguina T.S.
South Ural State University

The article deals with the way the image of Russia is modelled in the American media discourse (8.01.2020 – 12.31.2020). The research concludes about the usage of the sports metaphor to interpret actions of Russia.

Key words: information war, metaphorical modelling, sports metaphor.

Объединение всего человечества для решения такой глобальной задачи, как создание вакцины от Covid-19 для преодоления экзистенциального кризиса, поставившего под угрозу существование нашей расы, представляется логичным решением. К этому призывает ООН [5]. Тем не менее, даже в этот период наша страна становится мишенью информационно-психологического воздействия. Многими исследователями отмечается, что «против России ведется информационная война» [1].

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00192

В настоящей работе мы придерживаемся определения, данного учеными Сибирского университета, которые указывают, что «информационно-психологическая война – это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника ... для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [1]. Мы предполагаем, что языковые средства, использованные в американских новостных сообщениях о российской вакцине «Спутник V» в США, призваны дискредитировать образ России в сознании американцев. Для проверки этой гипотезы был проведен лингвистический анализ собранного нами корпуса текстов американского публицистического дискурса.

Для сбора данного корпуса был использован ресурс NewspaperArchive (newspaperarchive.com), предоставляющий ограниченный доступ к публикациям в период с 1607 по 2021 гг. Были заданы следующие параметры расширенного поиска: *ключевые слова*: Russia (Россия), vaccine (вакцина), *поиск по дате в промежутке*: 1 августа 2020–31 декабря 2020. Остановимся на рассмотрении выбранных критериев.

Выбор ключевых слов обусловлен темой исследования – моделирование образа нашего государства в период пандемии коронавируса. Создание вакцины против этого вируса – первостепеннейшая задача, стоящая перед мировым сообществом. Что касается временных рамок работы, то выбор «точки отсчета» – августа 2020 г. – обуславливается тем, что именно в этом месяце Россия объявила о создании первой в мире вакцины от Covid-19. Представляется логичным проследить динамику моделирования образа нашей страны в этот период для того, чтобы сделать выводы о возможности/невозможности утверждения об эволюции моделирования образа России.

Итак, был проведен расширенный поиск по заданным параметрам; его результатом стали 122 статьи, опубликованные в США и Канаде. Ввиду этого, поиск был уточнен: 103 статьи, опубликованные в США, вошли в исследовательский корпус. Распределение публикаций по месяцам представлено на графике (см. рис. 1). Как видно из рис.1, в американской прессе наблюдается снижение

числа публикаций о «Спутнике V». На наш взгляд, это объясняется тем, что Запад – в основном Великобритания и США – разработали свои вакцины; преломление графика осуществляется в точке «Октябрь» – именно в этом месяце было объявлено об эффективности вакцины, созданной университетом Оксфорда и компанией AstraZeneca. Наличием относительно широкого выбора вакцин в декабре 2020 г. можно объяснить незаинтересованность американских СМИ в освещении российского препарата.

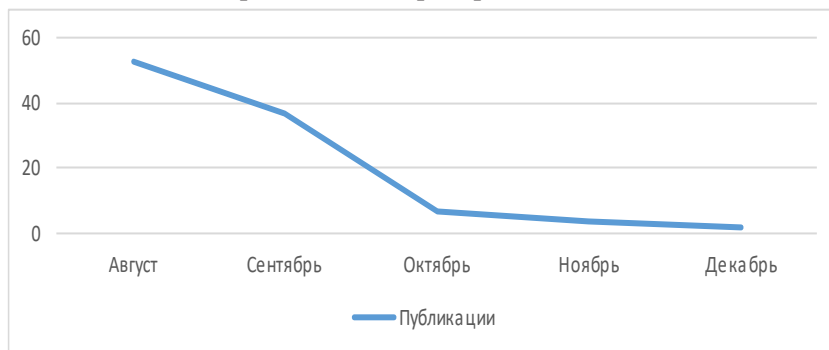

Рисунок 1 – Количественное изменение новостных публикаций о «Спутнике V» в США

Для осуществления лингвистического анализа был выбран метод метафорического моделирования, суть которого можно выразить формулой $X - это Y$. Этот метод был предложен А.П. Чудиновым, который, признает, что метафора – это «основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира» [2]. Для полноты анализа был также рассмотрен контекст и были выделены лексические и синтаксические средства акцентирования метафоры.

В августе 2020 г. образ России моделируется спортивной метафорой. Эффективность достижения нашей страны в создании вакцины ставится под сомнение посредством использования придаточного уступки и модального глагола *would*, выражающего нереальность действия: *While a proven coronavirus vaccine would be an epic medical breakthrough, the move raised alarms among scientists because the shots have not been subjected to large-scale testing in humans* (The Gazette, 12.08.2020). Эпитет *proven* акцентирует внимание аудитории на факте отсутствия необходимых испытаний. Так

создается впечатление поспешности действий российской стороны, не претендующей на глобальное медицинское открытие.

Последующие примеры иллюстрируют вывод о том, что в моделировании образа России используется метафора *Россия – это Спортсмен*. Так, заголовок статьи, опубликованной в газете Yuma Sun 13 августа, указывают на политизированность вопроса вакцинации (*Science, politics tied up in global race for a vaccine*). В нижеследующем тексте статьи ситуация в мире сравнивается с соревнованием и космической гонкой: *like a space race, the competition to have the first vaccine is about international rivalries as well as science* (Yuma Sun, 13.08.2020). Тем не менее, Россия, по мнению американских журналистов, не является победителем игры. Прямая аллюзия на исторический момент запуска первого спутника Земли, в честь которого наша вакцина получила свое название, использована во фразе *Russia isn't having a Sputnik moment* (там же). Настоящее длительное время указывает на то, что, в отличие от прошлого «Спутника» 1957 г., сейчас нашей стране не удастся повторить достижение, которое было бы сравнимо с ним по глобальности. Последующая фраза, употребленная в сослагательном наклонении, подчеркивает этот вывод: *To be the first one out of the black with a coronavirus vaccine would be a real shot in the arm for the Kremlin*. Более того, для большего эффекта журналист использует идиому (*to be*) *a real shot in the arm* (оказать поддержку; придать дополнительный стимул) [3;4], которая может иметь, на наш взгляд, три значения в данном контексте: 1) успех России в создании вакцины; 2) допинг, аллюзия на скандалы, связанные с «про-допинговой политикой России», что представляется возможным трактовать как «нечестный» путь к созданию вакцины (хакерские атаки на западные страны); 3) дословное значение (укол в руку), тесно связанное со значением 2. Предложенные значения были выведены с использованием словарей Dictionary.com и Collins Dictionary.

Большая часть публикаций за август содержит информацию о нашей вакцине, представленную в контексте спорта. Отметим, что сообщения *Associated Press* о создании вакцины «Спутник V» передаются дословно в публицистических изданиях и встречаются в большинстве рассмотренных газет.

Анализ публикаций выбранного периода показал, что их тематика отражает текущие события. Так, большинство статей, опубли-

кованных в августе, были посвящены «Спутнику V»; статьи, датированные в период с 20 августа и по конец сентября, описывают отравление А. Навального; возрастающее число статей посвящены президентским выборам в США и «вмешательству русских хакеров». Знаменательно, что спортивная метафора, использованная в августе для моделирования образа нашей страны в связи с регистрацией вакцины, употребляется для описания действий России в выборах 2016 г. и предстоящих выборах 2020 г.: *Russia launched an aggressive effort to interfere in the election* (Traverse City Record Eagle, 19.08.2020).

Итак, результаты проведенного анализа показали, что образ России в период пандемии моделируется при помощи спортивной метафоры. Она применяется как для отображения ситуации со «Спутником V», так и для характеристики «вмешательства» нашей страны в выборы президента США 2016 и 2020 гг. Метафора *Россия – это Спортсмен* и акцентирующие ее средства в рассмотренных публикациях создают напряжение, поскольку они обращаются к таким элементам спорта, как состязания, гонки, атаки и победы, тем самым являясь средствами ведения информационно-психологической войны против нашего государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Лингвистика информационно-психологической войны* : монография. Книга 1 // А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
3. *Collins Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 28.01.2021).
4. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 28.01.2021).
5. *International community must unite, or be crushed by chaos, warns UN chief*. URL : <https://news.un.org> (дата обращения: 28.01.2021).

Ван Хуэйхуэй
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ОБРАЗ МОНАРХА В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В статье рассматривается образ монарха на примере китайских и русских народных сказок. Автор приводит сравнительный анализ положительных и отрицательных черт, характеризующих правителя в сказках.

Ключевые слова: образ монарха, лингвокультура, русские и китайские сказки.

THE IMAGE OF THE MONARCH IN CHINESE AND RUSSIAN FOLK TALES

Wang Huihui
South-Ural State University

The article examines the image of the monarch on the example of Chinese and Russian folk tales. The author provides a comparative analysis of the positive and negative features that characterize the ruler in fairy tales.

Key words: the image of the monarch, linguoculture, Russian and Chinese fairy tales.

Народные сказки – один из значимых элементов культуры всех народов. В сказках закодированы представления человека о своей культуре и ее ценностях, о добре и зле, сказки отражают нравственный идеал и устойчивые черты национальной лингвокультуры. В данной статье мы проводим углубленное исследование культурно-представленного образа монарха в пяти китайских и пяти русских народных сказках.

Монарх (греч. *μόναρχος* букв. «единовластный правитель, властелин»; от греч. *μόνος* «один» + греч. *αρχός* «правитель») – наследственный или (реже) выборный глава государства; лицо, обладающее суверенитетом.

В русской традиции монарха называют царем, такое наименование использовалось с 1546 по 1917 год. Само слово «царь» происходит от латинского «caesar» («цезарь»). Это обязательная часть титула императоров времен Римского государства, а позднее – Западной Римской империи и Восточной Римской империи, происходящая от имени Юлия Цезаря. Наименование «цезарь» отражало преемственность власти императоров от него. В средневековой Руси титул царя относится к верховному правителю. Первым русским царем был Иван IV. В 1721 году Петр Великий ввел наименование «император», но до 1917 года русского правителя продолжали называть царем.

В Китае история монархии насчитывает более 2300 лет. Прямой обязанностью правителя, кроме поддержания порядка в государстве, было выполнение сложной системы ритуалов и обрядов, способствующих утверждению гармонии в природе и обществе. Китайский император является Сыном Неба, и его любое действие непосредственно влияет на гармонию в Поднебесной: способно как укрепить ее, так и нарушить [1, с. 119].

Яркой особенностью, отличающей образ монарха в китайских и русских народных сказках, является номинация персонажа. Имя императора обычно не упоминается в китайских сказках. Император – самый знатный человек в Древнем Китае, нельзя прямо называть его имя. Люди, нарушающие это правило, проявляют неуважение к императору и могут быть наказаны. В русских народных сказках царь может иметь имя, кроме того всегда есть имя у царевича (младший царевич – *Иван*, старшие царевичи – *Федор*, *Василий*) и царевны (*Марья*, *Елена*, *Василиса*). Так, в русской народной сказке «Иван-царевич и серый волк» каждый из персонажей-царей имеет имя: *Берендей*, *Афон*, *Кусман*, *Далмат*.

Анализ китайских народных сказок с персонажем императором показал, что монарх может быть как положительным, так и отрицательным героем. Основной положительной характеристикой образа является прежде всего справедливость к своим подданным. Так, в народной сказке «Нефритовый император и двенадцать животных» император наделен принципиальностью, справедливостью. В сказке «Справедливый» император справедливый, добрый и милосердный (*Император уничтожил много несправедливых приговоров, много невиновных спас и высушил много слез. Он приказал по-*

ставить барабаны перед управлением каждого начальника по всей империи, чтобы взять прошение и рассудить по справедливости).

К отрицательным чертам образа монарха в китайских сказках относятся тирания, глупость и тупость. Так, лживый и хитрый император-тиран является главным героем народной сказки «Девять братьев борются с императором» (*Он увеличивал налоги и повелевал убивать людей, нарушал обещания*). В сказке «Император и мышь» монарх изображен глупым, невежественным (*Испугался мышь, так как никогда не видел в своей жизни ни мыши, ни кота*). В китайской сказке «Старый охотник и император» монарх сластолюбив (*Всюду отправлял министров искать красавиц*).

Интересной, на наш взгляд, отличительной чертой русских и китайских народных сказок является факт владения/невладения каким-то богатством, сокровищем, необычным предметом (*золотое яблоко, Жар-птица, златогривый конь*). В русских сказках у царя обычно есть сокровище или он стремится его заполучить, например: *Жар-птица, златогривый конь («Иван-царевич и серый волк»)*, *молодильные яблоки и живая вода («О молодильных яблоках и живой воде»)*. Также сокровищем, о котором мечтает царь, может быть *прекрасная невеста («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»)*, «Жар-птица и Василиса-царевна», «Иван-царевич и серый волк». Некоторые персонажи-цари даже готовы отдать свои жизни, чтобы получить желаемое. В китайских народных сказках императора обычно не показан как владелец сокровища. Владельцами сокровищ обычно являются простые люди. Они используют сокровища, чтобы изменить свою судьбу, наказать зло и продвигать добро. Это также отражает угнетение народа властью со стороны в китайском древнем феодальном обществе. Например, популярная сказка – «Волшебная кисть Ма Ляна».

В русских народных сказках цари – обычно отрицательные герои. Явных положительных героев нет. Большинство царей алчные. А царицы делятся на положительных героев и отрицательных героев. Положительный герой, например, *младший царевич Иван – добрый и решительный*. Отрицательные герои, например, *царицы Федор и Василий («О молодильных яблоках и живой воде»)* – *злые, алчные, эгоистичные, неблагодарные, у них слабая воля*.

Как видно из примеров, существуют определенные различия в представлениях образа монарха в китайских и русских народных

сказках, что отражает два различных национально-культурных мира. Поэтому, рассмотрев это образ в качестве ключевой и отправной точки, проанализировав его сходства и различия в китайских и русских сказках, мы можем обнаружить сходства и различия в представлении образа правителя в разных культурах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белая И.В. Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции /И.В. Белая // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009 № 10 (65) Т. 9 С. 118-124. -<https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-imperatora-kak-voploschenie-kosmicheskogo-poryadka-v-ofitsialnoy-ideologii-i-daosskoy-traditsii/viewer> (дата обращения: 05.04.2021)

Ван Цзинвэнь
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются неологизмы в современном китайском языке. Автор выделяет четыре способа формирования неологизмов: заимствование, аббревиация, переосмысление значения, омофония.

Ключевые слова: неологизм, китайский язык, иностранные слова, заимствования, аббревиация.

WAYS OF FORMING NEOLOGISMS IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE

Wang Jingwen
South-Ural State University

The article examines neologisms in modern Chinese. The author identifies four ways of forming neologisms: borrowing words, abbreviation, changing of meaning, homophony.

Key words: neologism, Chinese language, foreign words, loan words, abbreviation.

Язык представляет собой особое социальное явление, его изменение и развитие тесно связаны с обществом. Неологизмы отражают быстрое развитие общественной жизни, фиксируют ее состояние, поэтому становятся фокусом внимания современной лингвистики вообще и китайских исследователей в частности [2], [3].

В качестве основных путей появления неологизмов в китайском языке мы можем назвать следующие: заимствование, аббревиация, переосмысление значения существующих лексем, омофония. Рассмотрим эти источники подробнее.

1. Заимствование. С углублением реформ и открытостью жизни Китая поток иностранных слов достиг своего пика, в результате чего возникла большая группа единиц в лексическом составе современного языка. Мы выделяем такие группы неологизмов по способам заимствования из других языков: 1) транслитерация иностранных

слов; 2) перефразирование иностранных слов; 3) транслитерация и перефразирование иностранных слов.

Транслитерация иностранных слов: запись слова в полном соответствии с китайскими иероглифами, похожими на произношение иностранного языка, но не выражающими значения китайских иероглифов. Например, «клонирование» (克隆), «TOEFL» (托福), «Макдональдс» (麦当劳).

Перефразирование иностранных слов: перевод на китайский в соответствии со значением слова в иностранном языке. Например, «разрыв поколений» (代沟), «День Святого Валентина» (情人节), «компьютер» (电脑), (黑客), «хакер» (电脑), «супермаркет» (超市).

Транслитерация и перефразирование иностранных слов. Одна часть иностранных слов, составляющих новое слово, такова: половина - это запись иностранного произношения, другая половина – перефразирование, а одна часть - дополнительное китайское значение, добавленное на основе оригинальной звукозаписи слова [4]. Например, «неоновая лампа» (霓虹灯), «Виллис» (吉普车), «чететка» (踢踏舞)[11].

2. Аббревиация. В языковой коммуникации сложное словосочетание сокращается в виде аббревиатуры не только для субъективного выражения потребности в простоте, но и под влиянием объективных факторов развития языковой среды и средств массовой информации. По статистике, за последние восемь лет среди новых слов появилось в общей сложности 223 аббревиатуры. Здесь мы различаем: 1) аббревиатуры-слова: Шанхайская зона свободной торговли (上海自贸区) является результатом «китайской Шанхайской пилотной зоны свободной торговли» (中国上海自贸区试点); 2) аббревиатуры-числительные: «четыре не»(四不)- это индустрия медицинских товаров «незаконное производство, незаконная операция, незаконное добавление, незаконная реклама» (非法生产, 非法交易, 非法添加, 非法广告).

3. Переосмысление значения существующих лексем(старые слова с новым смыслом). Старые слова с новым смыслом на самом деле являются реализацией внутренних изменений в системе значений [1]. Они делятся на две группы. Первую группу составляют слова, которые раньше активно употреблялись в речи, потом в силу социальных и исторических причин выходили из активного употребления, но в настоящее время, в связи с обновлением представлений

людей и изменения разных аспектов жизни, снова входят в речевой оборот. Наиболее типичные примеры: Мистер (先生), Мисс (小姐), босс (老板), вознаграждение (报酬), дивиденды (红利), похищение (抢走) и т.д. Во вторую группу входят слова, которые имеют первоначальное, фиксированное значение, но приобретают новое, дополнительное значение. Например, слово «популярность» (名气) в китайском языке изначально относится к человеку, темпераменту, чувствам, эмоциям. Теперь люди часто говорят, что «популярность» имеет новое значение и употребление. Например: Пу Куньсинь, который резко поднялся в индексе популярности. «Популярность» здесь близко к «известности», «репутации». Данное слово также используется на рынке, относится к степени популярности товара, ценных бумаг и т.д., например: в этом году популярность китайского рынка шариков недостаточна.

Другой пример - слово 包装«упаковка»: в оригинале относится к производителям, продающим вещи, завернутые в бумагу или уложенные в коробки, контейнеры, теперь может использоваться для обозначения людей, относиться к средствам массовой информации и т.п.

4. Омофония. Омофоническое слово - это особое языковое явление, омофонические средства используются для связи двух слов через игру со значением. Омофоническое слово - это художественный прием, используемый китайским народом на протяжении веков: используются похожие слова для замены исходного слова, что может играть определенную роль в усилении эффекта выражения. Этот уникальный риторический прием происходит от накопления табуированных идей и понятий в китайской культуре. В современном языке такой способ может использоваться для создания иронии или для иносказания. Например, «Цзян ты Цзюнь, нефть ты поднимаешь» выражают насмешку над растущими ценами. В других случаях такие слова могут выражать беспомощность участника диалога, например: выражение «остров давления» (亚历山大), омофоническое слову «Азия» (亚洲).

Появление неологизмов – естественный и неизбежный языковой процесс, сопровождающий развитие и изменение общества. Способы образования неологизмов разнообразны – от заимствования слов под влиянием другого языка и другой культуры до использования внутренних ресурсов самого языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ли Жан*. О поколении и культурно-психологической коннотации новых китайских слов в новый период // Journal of Chifeng University (SocialScience). 2015. №6. URL: <https://www.ixueshu.com/> (дата обращения: 31.10.2020).
2. *Сяо Лян*. Неологизмы, время и жизнь // Открытое образование. 2011. №12. URL: <https://www.cnki.net/> (дата обращения: 11.01.2021).
3. *Чжан Янь*. Новые слова нового времени // Литература Аньхой. 2010. №5. URL: <https://www.cnki.net/> (дата обращения: 01.11.2020).
4. *Чжао Цюн*. Социальная эффективность сетевых новых слов // URL: <https://www.cnki.net/> (дата обращения: 15.11.2020).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация: Метафора – это слово или выражение, употребляемое в переносном значении. Она как художественное средство речи часто используется в литературе в прошлом. В последние годы в эпоху глобализации политический дискурс привлекает к себе большое внимание ученых, а метафора как когнитивный метод широко распространена в политическом дискурсе. С одной стороны, метафора помогает гражданам понять язык политиков, с другой стороны, она помогает политикам передавать информацию и манипулировать адресатом. В данной статье рассматривается развитие исследований метафоры, основополагающие теории и подходы к анализу метафоры в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политическая метафора, политический дискурс, концептуальная метафора, теория метафоры, метафорическая модель.

POLITICAL METAPHOR: RESEARCH METHODS

Li Meitsi

South-Ural State University

A metaphor is a word or expression that is used in a figurative sense. It as an artistic style of speech is often used in literature in the past. In recent years, in the era of globalization, political discourse has been widely concerned by scholars. As a cognitive method metaphor is widely used in political discourse. Metaphor, on the one hand, helps citizens to understand politicians' language; on the other hand, it helps politicians to convey information and manipulate the recipients. This article discusses the development of metaphor research and the basic theories and methods of metaphor analysis in political discourse.

Key words: political metaphor, political discourse, conceptual metaphor, metaphor theory, metaphoric model.

Начиная с концепции Аристотеля, исследования метафоры насчитывают более двух тысячелетий. В последние годы в лингвистической области в рамках антропоцентрического подхода активно рассматриваются вопросы роли метафоры в политическом дискурсе. «Мир политического представляет собой сложное явление, далекое от повседневного опыта человека» [15], поэтом уметафора используется для того, чтобы преобразовать «абстрактное» в «конкретное», связать «неизвестное» с «известным», помогая рядовым гражданам понять язык политики.

Политическая метафора – это метафора, используемая участниками политического процесса для достижения определенных целей коммуникации. Политологи и лингвисты считают, что такая метафора играет важную роль в политическом дискурсе [12, 13]. С.Томпсон описывает отношения между метафорой и политикой следующим образом: «Политика без метафоры, как рыба без воды» [15].

В мировой науке существует ряд исследований, которые являются основополагающими для изучения метафоры в политическом дискурсе. Одним из них является теория «концептуальной метафоры» [8]. В книге «Metaphors We Live By» авторы впервые использовали термин «концептуальная метафора» и выделили три типа метафор: ориентационные, структурные и онтологические [8]. В исследовании «The Body in the Mind» М. Джонсон вводит понятие образ-схемы и предлагает ее основные типы [4]. Исследователи анализируют политические метафоры в различных аспектах: разрабатывают методологию изучения политической концептуальной метафоры [9], изучают особенности использования метафоры в дискурсе различных политических партий [10], прагматические функции метафоры в дискурсивных стратегиях политических партий [30], взаимосвязь метафоры и идеологии [1]. Ряд работ посвящен изучению отношения между метафорой и эмоциями [5], между метафорой и культурой [6].

В современной науке существуют другие теории, рассматривающие метафору как основной когнитивный механизм, задействованный в обработке и передаче концептуальной информации: теория первичных и сложных метафор [3]; теория концептуальной интеграции [2]; принцип акцентирования метафоры (principle of metaphorical highlighting) [7]; принцип требования согласованности метафоры (pressure of coherence) [6,7]; теория преднамеренной

метафоры [14] или теория преднамеренного толкования метафоры (deliberate metaphor interpretation) [10, 14] и др.

В России существует несколько направлений исследования метафоры: дескрипторная теория метафоры [18, 19, 20], теория метафорического моделирования [21, 25, 28], исследования, посвященные сопоставлению метафорических картин мира, существующих в сознании различных народов [24, 26], исследования метафоры в политическом дискурсе [21, 29], диахронические исследования политической метафоры [22, 26, 27].

Изучение метафоры в Китае находится на этапе становления. В фокусе внимания ученых – развитие европейской теории метафоры [35, 36]; на изучении когнитивной метафоры и когнитивных моделей [34, 33, 37]; на исследовании поэтической метафоры [32]. Кроме этого, особое внимание уделяется изучению метафоры в русле лингвокультурологии [31, 38] и др.

Таким образом, несмотря на многовековую историю изучения, метафора как объект лингвистических и междисциплинарных исследований до сих пор притягивает внимание ученых. В фокусе внимания современные теории находятся проблемы сопоставительного и диахронического анализа метафор, использования метафоры в разных областях, например, в политике. Изучение функционирования метафор в политическом дискурсе является перспективным направлением, поскольку метафора оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Charteris-Bblack J.* Politicians and Rhetoric. London: Palgrave Macmillan, 2005. – 239 p.
2. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks. Cognitive science. 1998. Vol. 22, № 2. P. 133–187.
3. *Grady J.* Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: doct. diss. San Francisco: University of California, Berkeley, 1997. 299p.
4. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 272 p.

5. *Kövecses Z.* Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 2000. 240 p.

6. *Kövecses Z.* Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 2005. 336 p.

7. *Kövecses Z.* Metaphor: A Practical Introduction .London: Oxford University Press, 2002. 375 p.

8. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

9. *Lakoff G.* Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. Journal of Urban and Cultural Studies. 1991. Vol.2, №. 1.P. 59–72.

10. *Musolff A.* Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation. Metaphor and the Social World. 2016. Vol. 6, №. 2.P. 205–224.

11. *Musolff A.* Metaphor scenarios in public discourse. Metaphor & Symbol. 2006. Vol. 21, №. 1.P. 23–38.

12. *Rohrer T.* The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order. Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10, №. 2.P. 115–137.

13. *Schoor C.* Political metaphor, a matter of purposeful style: On the rational, emotional and strategic purposes of political metaphor. Metaphor & the Social World. 2015. Vol. 5, №. 1.P. 82–101.

14. *Steen G.* Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. Journal of Pragmatics. 2015(90). P. 67–72.

15. *Thompson S.* Politics without Metaphors is Like a Fish without Water. Metaphor: Implications and Applications / ed. By Mio, J. S. & Katz, A. N.– Mahwah, 1996. P.185–201.

16. *Wee L.* Divorce before marriage in the Singapore-Malaysia relationship: the Invariance Principle at work. Discourse & Society. 2001. Vol.12, №.4.P. 535–549.

17. *Yu N.* Metaphor, Body, and Culture: The Chinese Understanding of Gallbladder and Courage. Metaphor and Symbol. 2003. Vol.18, № 1.P. 13–31.

18. *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

19. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.

20. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.

21. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. 220 с.

22. Будаев Э. В. Методика диахронического анализа политической метафорики // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 18–31.

23. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ин-т., 2006. 213 с.

24. Красильникова Н. А. Метафора в политическом дискурсе Зеленых США, России и Англии. Новый филологический вестник. 2006. №3. С. 69-80

25. Солопова О. А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе Великобритании. Политическая лингвистика. 2005. №16. С. 102–115

26. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Челябин. гос. пед. ун-т. 2006. 23 с.

27. Солопова О. А. Метафорическое моделирование будущего России в политических дискурсах Российской Империи, США и Британской Империи (XIX в.). Вопросы филологии. 2015. № 2. С. 42–54.

28. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.

29. Чудинов А. П. Теория и практика политической метафорологии/ А. П. Чудинов [и др.]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2020. 234 с.

30. 陈文革 (Cheng Wenge). 隐喻在政治语篇中的作用. 南华大学学报(社科版). 2006. № 6. Р. 88–91.

31. 何丽野 (He Liye). 水与火: 中西哲学的核心隐喻和文化的基本精神. 社会科学. 2003. № 6. Р. 86–90.

32. 胡壮麟 (Hu Zhuanglin). 认知隐喻学. 北京: 北京大学出版社, 2004. 224 p.

33. 蓝纯 (*Lan Chun*). 认知语言学与隐喻研究. 北京: 外语教学与研究出版社, 2005. 223 p.
34. 李福印 (*Li Fuyin*). 隐喻与认知(中国大陆出版物注释目录)1980-2004. 北京.: 中国文史出版社, 2004.
35. 林书武 (*Lin Shuwu*). 隐喻研究的基本现状, 焦点及趋势. 外国语(上海外国语大学学报). 2002. № 1. 38–45 p.
36. 束定芳 (*Shu Dingfang*). 隐喻学研究. 上海: 上海外语教育出版社, 2000. 267 p.
37. 王寅 (*Wang Yin*). 认知语言学. 上海: 上海外语教育出版社, 2007. 681 p.
38. 杨春生 (*Yang Chunsheng*). 英汉语中与»吃»有关的隐喻比较. 外语与外语教学. 2004. № 12. P. 49–51.

ТЕМАТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье проводится тематическая и функциональная классификация эвфемизмов в американском политическом дискурсе. Выявляются и описываются самые часто используемые эвфемизмы. Среди них – выражения, относящиеся к экономике и социальной ситуации в стране, а также слова и словосочетания, использующиеся в контексте войны и террора.

Ключевые слова: эвфемизм; политический дискурс; вежливость; вуалирование действительности.

THEMATIC DIVISION AND FUNCTIONING OF EUPHEMISMS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Rusalina A.V.
Chelyabinsk State University

This article provides a thematic and functional classification of euphemisms in American political discourse. The author identifies and describes the most commonly used euphemisms in this sphere. Among them are expressions related to the economy and social situation in the country, as well as words and phrases used in the context of war and terror.

Key words: euphemism; political discourse; politeness; vagueness.

В современном мире растет общественная тенденция к политкорректности, иносказанию и стремлению смягчить высказываемое мнение с помощью эвфемизации. Эвфемизмы – слова или выражения, используемые для замены любого нежелательного или недовольного слова или выражения приемлемым или более вежливым на данном историческом этапе и в данном обществе, основной целью которых является смягчение денотата. В политическом дискурсе эвфемизмы используются для избегания коммуникативных

конфликтов и сохранения «лица» или вуалирования определенных фактов действительности. Основываясь на фактическом материале, мы классифицировали эвфемизмы, использованные в речи американских политических деятелей, по тематике, разделив их на 2 основные группы с 7 подгруппами. Предлагаю перейти к рассмотрению самых распространенных из них.

Таблица 1. Тематическая классификация эвфемизмов американского политического дискурса

Тематическая группа эвфемизмов	Подгруппа	Процентное соотношение
Эвфемизмы, касающиеся личности	Половая, религиозная, культурная, расовая и дискриминация сексуальных меньшинств	10.78%
	Мало востребованные профессии	3.92%
Эвфемизмы, касающиеся действительности	Экономика и волнения в обществе	31.37%
	Военные действия и террор	23.53%
	Проблема бедности и социально незащищенных групп населения	8.82%
	Социальные пороки	8.82%
	Другое	12.75%

Первой группой были выделены эвфемизмы, касающиеся личности, процентное соотношение которых составило 14,7%. Перейдем к рассмотрению двух ее подгрупп.

1. Половая, религиозная, культурная, расовая и дискриминация сексуальных меньшинств (10,78%).

Наше исследование показало, что в заявлениях официальных представителей «сексистские» морфемы, указывающие на половую принадлежность человека, заменяются в языке новыми словами, которые определяют человека без указания на его пол:

«If you are the *spokesperson* for the White House, you could certainly say that, but you are not. But you can ask me another question» [2].

2. Невостребованные профессии (3,92%)

В первую очередь, самой невостребованной профессией считается профессия уборщика *garbage collector*, который часто заменяется на *sanitation worker*:

«You want good teachers? You got to pay them. Same thing for your cops and your firefighters, your *sanitation workers*» [5].

Во время анализа и систематизации речей американских политиков нам удалось выяснить, что эвфемистические выражения также часто заменяют названия таких профессий как *secretary – personal assistant*, *teacher – learning facilitators* и *doctor – healthcare provider*:

«You said there's no more trusted voices than your local *healthcare provider*» [3].

Второй группой эвфемизмов мы выделили слова и выражения, касающиеся действительности. В частности, к ним относятся следующие подгруппы:

1. Экономика и волнения в обществе (31,37%)

Во время исследования мы выявили, что данная группа является самой часто употребляемой. К ней можно отнести слова и выражения, связанные с налогообложением: *close loopholes*, *redistribution of wealth*, *tax relief*, *disinvestment*:

«Over the last 45 years, there has been a massive *redistribution of wealth* in America, but sadly, that redistribution has gone in the wrong direction» [1].

Помимо этого, частой темой разговоров с использованием эвфемизмов оказались мигранты: *undocumented immigrant*, *anchor baby*, *guest-worker*.

«We also face a crisis of more than 80 million *displaced people* suffering all around the world» [4].

2. Военные действия и террор (23.53%)

По результатам анализа и систематизации данных, эта подгруппа оказалась на втором месте по употреблению эвфемизмов. К таким эвфемизмам мы отнесли следующие: *air support*, *collateral casualties*, *extrajudicial execution*, *enhanced interrogation*.

«When necessary, we must be able to detain and question them. But we must be clear. Terrorists are not merely criminals, they are unlawful *enemy combatants*» [6].

Проводя анализ собранных данных, нам удалось установить, что все перечисленные выше группы эвфемизмов выполняют две основные функции: вежливость и вуалирование действительности. При этом первая функция напрямую связана с темой личности, так как вежливость в речи необходима для сохранения «лица» по отношению к представителям общества, а не ситуаций, происходящих

в стране. Вторая же функция – сокрытие информации, камуфляж – связана с эвфемизмами, касающихся действительности, то есть процессов, происходящих в жизни граждан страны и мира.

Исходя из собранных нами данных, функция вуалирования является доминирующей в политическом дискурсе, так как темы экономики, политики, войны, проблем социальных слоев населения являются дискурсообразующими и занимают большую часть всех эвфемистических выражений, используемых в политике. Данный камуфляж позволяет представить ситуацию более приемлемой для слушателей, скрыть настоящее значение употребляемых слов и тем самым манипулятивно воздействовать на слушателей, что можно назвать основной целью политического дискурса.

Из вышесказанного следует то, что политический дискурс включает значительное количество эвфемизмов, которые затрагивают главные проблемы современного общества. Современная тенденция к политкорректности позволяет сделать вывод, что использование таких замен будет происходить все чаще в речи американских политических деятелей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Bernie Sanders NH Rally Speech for Joe Biden & Kamala Harris*. URL : <https://www.rev.com> (дата обращения: 21.03.2021).
2. *Mike Bloomberg Salt Lake City Campaign Rally Speech*. URL : <https://www.rev.com> (дата обращения: 21.03.2021).
3. *Mike Pence & CDC Discussion on COVID-19 Vaccine*. URL: <https://www.rev.com> (дата обращения: 21.03.2021).
4. *President Joe Biden delivers foreign policy speech*. URL: <https://asia.nikkei.com> (дата обращения: 21.03.2021).
5. *Press Secretary Jen Psaki White House Press Conference*. URL : <https://www.rev.com> (дата обращения: 21.03.2021).
6. *Trump's State of the Union speech*. URL : <https://ig.ft.com> (Дата обращения: 21.03.2021).

Чжан Тао
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается использование в русскоязычном рекламном дискурсе одного из фонетических языковых средств – звукоподражания.

Ключевые слова: фонетические языковые средства, звукоподражание, рекламный дискурс.

ONOMATOPEIA IN RUSSIAN ADVERTISING DISCOURSE

Zhang Tao
South-Ural State University

The article discusses the use in the Russian-language advertising discourse of one of the phonetic language means - onomatopoeia.

Key words: phonetic language means, onomatopoeia, advertising discourse.

Эффективность рекламной коммуникации зависит от умелого использования всего спектра языковых средств, которыми богат русский язык. Рекламный текст является системой, представленной различными языковыми уровнями (фонетическим, лексическим, синтаксическим), каждому из которых свойственны присущие ему языковые средства [3, с. 75].

Фонетические языковые средства, воздействуя на органы чувств человека, вызывают у него определенные ассоциации. Фонетическая сторона рекламных текстов языка имеет немалое значение для успеха рекламной коммуникации, потому что через фонетическое оформление текста могут выражаться ассоциативные смыслы, несущие в себе рекламное послание [4, с. 263-265]. К числу фонетических языковых средств относится **звукоподражание** – употребление слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления.

Отражая в языке окружающий его мир, человек во всех существующих языках создает слова, относящиеся к разным частям речи, которые имитируют звуки, которые издает человек или животные, а также звуки, исходящие от природных источников или технических устройств. Существует немало звукоподражательных слов, которые уже своим звучанием напоминают называемые ими действия, такие, как «*шуршать, шипеть, тикать, жужжать*».

Наибольший стилистический эффект звукоподражание дает в том случае, если «звуковое сближение слов подчеркивает их образность, подкрепляет содержание фразы» [1, с. 176-178].

В русскоязычной рекламной коммуникации звукоподражание встречается относительно редко, однако имеющиеся примеры показывают, что путем использования звукоподражания можно ярко выразить рекламное послание и придать тексту дополнительную выразительность.

Приведем примеры использования звукоподражательных слов в рекламе.

Слово «*ням-ням*», передающее шум жевания, которое характерно для детской речи [6, URL], используется при номинации товаров, предназначенных для детей, а также в наименованиях специализированных торговых организаций.

Так, в интернете рекламируются услуги открытых в городах Грозный [10, URL], Чебоксары [11, URL] магазинов детского питания под названием «Ням-Ням». Подобная номинация наглядно позиционирует указанные магазины в качестве специализированных предприятий по продаже продуктов для детей, чем привлекает целевую аудиторию.

Компания «Вайз» (Украина, г. Днепр), указывает, что производит более 20 видов детского питания под брендом «*Ням-Ням*» [9, URL].

Слово «*ам-ам*», так же, как и «*ням-ням*», является звукоподражанием поеданию пищи [5, URL]. Молочный завод, использовав для номинации товаров указанное звукоподражательное слово, указывает в своей рекламе: «*360 тысяч детей в 18 субъектах Российской Федерации ежедневно кормит вкусными, натуральными и полезными молочными продуктами марки «Ам-Ам» Брянский гормолокозавод*» [8, URL].

Слово «*топ-топ*» является характерным для детской речи звукоподражанием шагам при ходьбе [2, с. 803]. Компания «Nutricia»

(являющаяся подразделением промышленной группы «Данон») использовала указанное звукоподражательное слово в качестве наименования для ряда продуктов детского питания. Рекламный текст на сайте магазина «Провиант» (Казахстан, г. Астана) гласит: *«Детское питание «Топ-топ» – это натуральное, полноценное питание для малышей»* [7, URL].

Использование приведенных выше звукоподражательных слов, характерных для детской речи, позволило привлечь внимание целевой аудитории потребителей товаров для детей, а также выделить рекламируемый бренд (рекламодателя) из ряда иных аналогичных брендов (рекламодателей). Кроме того, использование подобной лексики, характерной для доверительного общения в кругу семьи, имплицитно внушает доверие к объекту рекламы.

В некоторых случаях создатели рекламы используют звукоподражательные слова, чтобы обратить внимание аудитории на свойства товара, которые проявляются в процессе его использования. Рассмотрим, в частности рекламу газированного напитка «Швепс»: *Ш-ш-ш-вепс-с-с-с- безалкогольный напиток «Швепс»*. Данный рекламный текст содержит имитацию звука лопающихся пузырьков газа путем использования шипяще-свистящих звуков «ш» и «с», что передает ощущения, который испытывает потребитель, когда открывает бутылку с газированным напитком. Звукоподражание в данном случае усиливает общую образность текста [3, с. 75].

Рассмотрим рекламу компьютеров, выпускаемых в России под брендом «IS Mechanics»: *Маленькие серенькие жужжащие коробки* [12, URL]. Этот рекламный текст, благодаря использованию звукоподражательного слова «жужжащие», создает в сознании потребителя рекламного продукта образное представление о рекламируемом товаре – компьютерах, которые в процессе работы издают звуки, напоминающие жужжание насекомых. Данный рекламный текст не содержит сведений о потребительных свойствах товара, но своей оригинальностью привлекает внимание, запоминается и создает в целом благоприятное впечатление об объекте рекламы.

Таким образом, из приведенных примеров следует, что такое внешне простое фонетическое средство, как звукоподражание, может существенно повысить эффективность речевого воздействия, обеспечивая успех рекламной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Российская академия наук, 1999. 944 с.
3. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. 375 с.
4. Шетушина Е. Н. Фонетические приемы фольклора как способ организации звуков в процессе построения рекламного сообщения. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5(61). С. 263-265.
5. Слово «ам-ам» // сайт «Карта слова» URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
6. Слово «ням-ням» // Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
7. Слово «топ-топ» // сайт «Провиант», Казахстан, г. Астана URL: <https://proviant.kz/> (дата обращения: 17.02.2021).
8. Электронный ресурс: детские молочные продукты марки «Ам-Ам» URL: <http://xn----7sbb0cc.xn--plai/o-kompanii> (дата обращения: 17.02.2021).
9. Электронный ресурс: детские продукты компании «Вайз» (Украина, г. Днепр) URL: <https://nyam-nyam.org.ua/ru/allcategories-ru-ru/> (дата обращения: 17.02.2021).
10. Электронный ресурс: магазин «Ням-Ням», г. Грозный URL: https://www.instagram.com/detskoe_pitanie_nyam_nyam/ (дата обращения: 17.02.2021).
11. Электронный ресурс: магазин «Ням-Ням», г. Чебоксары URL: <https://vk.com/yumcheb> (дата обращения: 17.02.2021).
12. Электронный ресурс: реклама компьютеров «IS Mechanics»: сайт «Единая служба объявлений» (ЕСО), г. Екатеринбург URL: <https://eso-online.ru/> (дата обращения: 17.02.2021).

ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА В РЕЧИ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматривается один из трудных вопросов русской грамматики: употребление видовременных форм русского глагола китайскими учащимися. Автор отмечает, что данный вопрос связан не только с необходимостью глубокого изучения данной темы в курсе русского языка как иностранного, но и с серьезным научным – теоретическим и экспериментальным – осмыслением проблемы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русский глагол, категория вида, видовременные формы.

ASPECT-TENSE FORMS OF RUSSIAN VERBS IN CHINESE STUDENTS' SPEECH

Zhao Xue
South-Ural State University

The article is devoted to using aspect-tense forms of Russian verbs in speech of Chinese students. This question is very important for Russian grammar and Russian language teaching.

Key words: Russian as a foreign language, Russian verb, category of aspect, aspect-tense forms.

В процессе освоения иностранного языка учащиеся неизбежно сталкиваются с целым рядом трудностей. Традиционно к сложным вопросам изучения русского языка относят употребление видовременных форм глагола[1]. Подобные трудности обусловлены не только тем, что учащимся необходимо познакомиться с формами и категориями другого языка, сопоставить их с формами и категориями родного языка, но и тем, что зачастую сопоставляются разные типы мышления, разное мировоззрение, отраженное в национальных языках. Как и в России, у китайцев есть свои уникальные традиции мышления и выражения, что отражается в языковой картине мира. Для китайских студентов изучение вида и времени русских глаголов является одним из самых сложных вопросов, потому что

использование времени и вида русских глаголов обычно зависит не только от значения вида, но и от традиции употребления. Для изучения типичных ошибок китайских учащихся при употреблении видовременных форм глагола в письменной речи использованы два метода: анализ методических работ и экспериментальный метод.

Анализ методических работ демонстрирует, что многие ученые в Китае и России обсуждали этот вопрос (см., например, [4]) и создавали рекомендации по обучению, отраженные в учебниках и учебных комплексах. К таковым мы можем отнести три комплекта русских учебников, используемых китайскими университетами: 1) «Русский язык «Восток»», который издается Пекинским институтом иностранных языков и Институтом русского языка Пушкина; 2) «Русский язык», изданный Хэйлунцзянским университетом; 3) «Русский язык», изданный Шанхайским университетом иностранных языков. Эти три учебника широко используются в Китае и оказывают большую помощь китайским студентам, изучающим русский язык.

В русском и китайском языках существуют различия в восприятии действия и способах его грамматического выражения. Конечно, если китайские студенты стремятся освоить категорию вида и систему видовременных форм русских глаголов, они должны полностью понимать его конкретное использование. Рассмотрим основные видовые значения (приводятся по [2], [3]) в русском языке и их перевод на китайский язык.

1. Глагол несовершенного вида указывает на действие, которое выполняется, уже выполнялось или будет выполняться, например:

Сейчас я пишу упражнения. 我在做练习题。

Вчера вечером они смотрели фильм на китайском языке. 昨天晚上他们看汉语电影。

Завтра мы будем повторять старый урок. 明天我们要复习功课。

2. Глагол несовершенного вида обозначает повторяющееся или продолжительное действие, например:

Когда он жил в деревне, он часто ловил рыбу. 当他住在乡下的时候他经常去钓鱼。

Антон учится в университете на факультете китайского языка. 安东在汉语系学习。

По окончании университета она будет работать за границей. 大学毕业后她要出国工作。

3. Глагол несовершенного вида обозначает состояние, характеристики и способности, присущие человеку или вещи, например:

В детстве она хорошо пела и танцевала. 小时候她唱歌跳舞很好。

Наши окна выходят на улицу. 我们的窗户开着。

Вы плаваете? 您会游泳吗?

4. Глагол совершенного вида обозначает действие, которое было прекращено или достигло определенного результата, например:

Анна написала письмо. 安娜写完信了。

5. Глагол совершенного вида обозначает начало какого-либо действия, такие глаголы часто имеют приставки «по-», «за-», например:

В детстве она полюбила спорт. 小时候她喜欢运动。

Чтобы определить частотность нарушений при употреблении данных форм этих ошибок, проведен эксперимент. В качестве респондентов выступили 10 китайских студентов, изучающих русский язык: 3 человека – ученики средней школы (15 лет), 4 человека – студенты (20 лет), 3 человека – аспиранты (23 года). Опросник представлял собой набор практических вопросов о видах и времени глаголов. Эксперименты подтвердили, что ошибки китайских студентов в использовании глагольных форм типичны. Результаты этого эксперимента отражены в следующей таблице (см. табл.).

Таблица 1. Употребление видов русского глагола китайскими учащимися

Тестируемая грамматическая точка	Количество примеров		Количество ошибок	Процент ошибок
Употребление НСВ при передаче повторяющегося действия и СВ при выражении однократного действия	НСВ	10	1	10
	СВ	10	1	10
Употребление НСВ при передаче разобщенности действия с моментом речи и СВ при указании на сохранение результата действия в момент речи	НСВ	10	5	50
	СВ	10	4	40
Употребление НСВ в значении отмены повторного действия и СВ в перфектном значении	НСВ	10	4	40
	СВ	10	5	50

Как показывает таблица, в рамках данного эксперимента самые простые значения СВ и НСВ – это различие в рамках видового противопоставления однократного и многократного действия, при этом данные значения не имеют жесткой связи с отнесенностью действия к моменту речи, т.е. категорией времени (за исключением настоящего времени, которое отсутствует у глаголов совершенного вида). Ср.: раньше я *покупал* (НСВ) фрукты каждый день, а вчера я *купил* (СВ) овощи; на следующей неделе я *буду покупать* (НСВ) фрукты каждый день, но завтра я *куплю* (СВ) овощи. Трудности вызывают те случаи, когда видовое значение вступает в особые отношения с временными характеристиками протекания действия, как например, действие, которое произошло до момента речи, но имеет результат в настоящем и т.п.

Таким образом, представление о видовременных формах как трудном вопросе современной методики обучения русскому языку побуждает уделять данной теме особое внимание как в методических работах, так и в учебных пособиях. Однако в настоящее время подобных исследований на китайском языке немного. На наш взгляд, необходимо точно описать совокупность форм и их значений в сопоставлении с китайским языком, что открывает широкие перспективы для исследований такого рода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов. СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971. 238 с.
3. Пайар Д. О категории вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 1. 2-е изд. М., 2001. С.157-172.
4. 东方大学俄语（新版）学生用书. 3/史铁强主编；黄玫分册主编；北京大学俄语学院编著。 - 北京：外语教学与研究出版社，2009/9.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зырянов И.А.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

УКРЕПЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И АФРИКАНСКИМ КОНТИНЕНТОМ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются способы культурного взаимодействия Китая и Африки, а также гуманитарная помощь, которую Китай выделяет континенту в XXI веке. Описано явление «мягкой силы» как основного инструмента выстраивания позитивного образа Китая.

Ключевые слова: сотрудничество, инвестиции, гуманитарная помощь, «мягкая сила», стратегическое партнерство.

STRENGTHENING OF CULTURAL CONNECTIONS BETWEEN CHINA AND AFRICA IN THE XXI CENTURY

Zyryanov I.A.
South-Ural State University

The article shows ways of cultural cooperation between China and Africa, also shows humanitarian assistance that China gives the continent in the XXI century. The article also describes the phenomenon of «soft power» as it is the main tool of building a positive image of China.

Key words: cooperation, investments, humanitarian assistance, «soft power», strategic partnership.

Данная тема является актуальной, поскольку необходимость исследования специфики и механизмов политики Китая на африканском континенте считается крайне важной на сегодняшний день. На это есть несколько причин: Во-первых, являясь членами Организации Объединенных Наций, страны Африки все больше и больше играют роль важных акторов мировой политики, поэтому Китаю выгодно сотрудничать с ними и продвигать свои интересы через Африку в подобных организациях. Во-вторых, ресурсы, которыми

обладает континент, очень привлекают китайских инвесторов, готовых вложить деньги в развитие инфраструктуру Африки, чтобы добывать важные для Китая ископаемые. В-третьих, Африка является «полигоном» на котором Китай демонстрирует все свои возможности через «мягкую силу», тем самым изображая образ «добродетели». Итак, в XXI веке Африка стала одним из главных векторов внешнеполитического курса Китая, так как их взаимовыгодное сотрудничество становится сильнее с каждым днем, тем самым оказывая влияние не только на КНР и Африку, но и на весь остальной мир.

Нами был проведено исследование основных способов культурного и гуманитарного взаимодействия Китая и Африки, и какую выгоду они из этого получают. К примеру, для того чтобы не утратить доверие всего континента Китаю приходится поддерживать образ добродетели и позитивный имидж. Поэтому КНР остро заинтересованы в африканских средствах массовой информации, а также сфере образования. В этой связи, растет число китайских средств массовой информации, которые освещают события в КНР и мире не только на официальных языках стран Африки, но и на китайском. Стоит отметить также тот факт, что многие африканцы изучают или уже знают китайский язык [3].

Еще в 2013 г., председатель КНР Си Цзиньпин посетил Республику Конго и заявил, что *«сотрудничество в гуманитарной сфере является одним из важнейших элементов китайско-африканского стратегического партнерства. Развитие связей между КНР и африканскими странами имеет не только из „жесткую“ экономическую базу, но и „мягкую“ культурную составляющую»*. После этого, во время визита в Танзанию, он отметил, что Китай будет активно участвовать в программе подготовки кадров для Африки, в течение последующих трех лет подготовит 30 тысяч кадров и предоставит 18 тысяч стипендий для африканских студентов [4].

Важным инструментом и особенностью китайской политики в регионе является «мягкая сила», а самой большой сферой ее применения является сфера образования. Китай открыл в 31 государстве Африки 37 Институтов Конфуция и 10 кабинетов Конфуция. В 2013 г. в вузах КНР обучалось 33 тысячи студентов из Африки. Си Цзиньпин в 2015 г. в ходе работы Форума сотрудничества «Китай – Африка» заявил о строительстве пяти новых культурных центров в Африке, а также о предоставлении 500 грантов на обучение в Ки-

тае и 30 000 стипендий для обучения в африканских университетах. Учитывая тот факт, что высшее образование на Африканском континенте, как правило, доступно либо состоятельным гражданам, либо по грантам (особенно китайским), есть все основания полагать, что будущая интеллигенция стран Африки также будет поддерживать активное участие КНР в жизни своего континента [3, 4].

Сотрудничество между Китаем и Африкой в сфере образования отражается и в осуществлении программ обмена учеными для осуществления совместных исследовательских проектов. Самыми важными для укрепления научных связей являются следующие программы: программа научных исследований и обмена, программа технологического партнерства и китайско-африканский форум «Мозговой центр». Суть этих программ заключается в совместных исследованиях и обеспечении ряда предложений по повышению африканского потенциала в научно-техническом развитии, в деле развития управления и передачи технологий. Таким образом, совместные научные и образовательные программы позволяют реализовывать академические преимущества высших учебных заведений Китая и удовлетворяют нужды африканских стран в повышении качества уровня образования, науки и технологий. Все эти факты говорят о том, что у образовательных и научных программ, осуществляемых Китаем в Африке большие перспективы для дальнейшего развития в будущем [1, 4].

Следует отметить тот факт, что на континенте поставляется гуманитарная помощь от КНР и в период борьбы с вирусом COVID-19, Эболой, вирусом иммунодефицита человека. Так например, Выступая на открытии министерского форума по вопросам развития китайско-африканского сотрудничества в сфере здравоохранения, министр Национального комитета КНР по вопросам здравоохранения и планирования семьи Ли Бин 黎兵 отметил долгосрочные и положительные результаты сотрудничества между странами в сфере здравоохранения, а также подтвердил готовность страны активизировать китайско-африканские связи [4].

В 2014 г., в период эпидемии Эболы, Китай направил в Либерию, Сьерра-Леоне и Гвинею три транша гуманитарной помощи на сумму около 250 млн. юаней (40,9 млн. долл.). По данным на начало ноября 2014 г., Китай в общей сложности командировал в Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне 252 медиков, 134 из них продолжают ра-

ботать в Африке. Китай основал в Либерии центр по лечению лихорадки Эбола.

Выступая на специальном саммите Китай – Африка, созванном в июне 2020 г. Си Цзиньпин заявил, что *«Китай будет, как и прежде, продолжать поддерживать противоэпидемическую работу в Африке, направляя группы медиков и предоставляя материальную помощь. Кроме того, в течение этого года, раньше намеченных сроков, при поддержке Китая в Африке начнется строительство штаб-квартиры по контролю и профилактике заболеваний. Стороны активизируют сотрудничество между китайскими и африканскими больницами, чтобы создать единое медицинское сообщество Китая и Африки»* [2].

Таким образом, нужно сказать, что Китаем достигнуты большие успехи в продвижении политики и культуры КНР, «китайская мечта» плотно засела в сознании африканцев. Китай не оставляет Африку даже в трудные моменты эпидемий и пандемий. Инвестиции, вкладываемые КНР в сферу культуры и образования являются важнейшим шагом для развития отношений между этими двумя акторами. КНР очень успешно использует Африку как полигон для применения «мягкой силы». Меры, проведенные Китаем не только позитивно отражаются на его имидже на континенте, но и являются важным инструментом повышения уровня развития обеих сторон в культурной и научной сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая: монография. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
2. *Китай поддержит страны Африки в борьбе против COVID-19.* URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Ломова А.А. Перспективы развития китайско-африканских отношений (по материалам Шестого форума сотрудничества «Китай–Африка») // Власть. 2017. №1. С. 133-134.
4. Пономаренко Л. В., Соловьева Т. М. КНР–Африка: новые ориентиры взаимоотношений // Вестник РУДН. 2015. №1. С. 37-40.

Кондрашкина А.А., Фейгин В.Е.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ (БСВ): ВОЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Военные и экономические интересы всегда были важными аспектами формирования имиджа страны на мировой арене. Помимо этого, во внутривластной и внутриэкономической сферах всегда существовала взаимосвязь военного – промышленного комплекса (ВПК) и экономики страны в целом, а именно роль доходов от поставок вооружений в общем развитии экономики страны. Ближневосточный регион на данный момент является предельно милитаризованным, что позволяет проследить процесс военно-экономического взаимодействия этого региона с Россией, как в современной ситуации, так и в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: Ближний Восток, Россия, Сирия, внешняя политика.

THE MAIN STAGES OF RUSSIA'S POLICY IN THE NEAR AND MIDDLE EAST (BSV): MILITARY - ECONOMIC ASPECT

Kondrashkina A.A., Feigin V.E.
South-Ural State University

Military and economic interests have always been important aspects of shaping the country's image on the world stage. In addition, in the domestic political and domestic economic spheres, there has always been a relationship between the military-industrial complex (MIC) and the country's economy as a whole, namely, the role of revenues from arms supplies in the overall development of the country's economy. The Middle East region is currently extremely militarized, which makes it possible to trace the process of military-economic interaction of this region with Russia, both in the current situation and in historical retrospect.

Key words: Middle East, Syria, Russia, Foreign policy.

Регион Ближнего Востока с конца 40-х гг. 20 века считается одной из «горячих точек» современного мира, общая напряженность, существующая в этом предельно милитаризованном регионе, заставляет как соседей по региону, так и внерегиональных игроков постоянно следить за складывающейся там ситуацией и анализировать ее. Учитывая нестабильность Ближнего Востока, мировым акторам приходится выстраивать взвешенную политику в отношении региона, включающую в себя, экономические, политические, военные, идеологические аспекты [см., например, 1, 2, 3, 6].

В период «холодной войны» страны Ближнего Востока рассматривались скорее как поле противостояния между СССР и США, где обе сверхдержавы старались расширить свои сферы влияния. После распада СССР, интересы России в регионе остаются, но трансформируются – теперь они носят не столько идеологический, сколько экономический характер. Необходимо при этом учитывать, что в постсоветский период позиции РФ в регионе значительно ослабли.

За тридцать лет существования России, отношение властей к другим акторам на территории Ближнего Востока менялось. Если в 90-е гг. 20 века, ведущие мировые акторы, включая Россию, предпринимали скоординированные усилия в рамках ближневосточного урегулирования, выступая, скорее, как союзники, то с течением времени проявляется разница во взглядах на происходящие в регионе события и снова усиливаются элементы политики противостояния. Специалисты RAND склонны полагать, что политика сотрудничества как со стороны России, так и США, принесет больше положительных результатов как для региона, так и для мира в целом. [4]

Современной российской ближневосточной политике также присущ прагматизм. То есть, дела ведутся с платежеспособными странами, устанавливаются партнерские отношения. Так, например, Иран, рассматривается Россией как еще один важный «центр силы» будущего многополярного мира.

В сфере экономики основными ставятся несколько пунктов: продвижения и закрепления присутствия российского вооружения, ядерного топлива на региональных рынках, разработки ближневосточных месторождений нефти и газа, привлечение инвестиций в Россию, создание долгосрочных партнерских отношений.

Важным началом вхождения бизнеса в «дела восточные» было сопровождение главы МИД РФ делегацией российских бизнесме-

нов в 2000 году. В 2000 году Россия была активным участником программы для оказания помощи населению Ирака «Нефть в обмен на продовольствие», организованной ООН. 30–40% всего объема закупки иракского экспорта нефти обеспечивали российские компании. Сумма подписанных Россией контрактов составила в 2000 г. \$1,2 млрд. Москва также была одним из лидеров в поставках гуманитарных товаров в Ирак. [5]

Бизнес-интересы России на Ближнем Востоке находят свое отражение в деятельности таких компаний как «Лукойл», «Росатом», «Газпром». Так, например, «Росатомом» осуществлено строительство на территории Ирана АЭС (в Бушере), и продолжает работать над другими контрактами в ближневосточном регионе (Турция, Иордания). Основным плацдармом, конечно же, выступает работа с нефтью и газом. Таким образом, «Лукойл» осуществляет свою деятельность в Ираке (месторождение Западная Курна – 2), а «Газпром» поставляет газ в Турцию. Россия заинтересована в налаживании контакта с Саудовской Аравией, как страной, входящая в ОПЕК. Партнерами так же считаются Катар и Иран, как одни из крупнейших поставщиков нефти. Можно отметить еще то, что Россия стремится наладить контакт с Израилем в технологической сфере.

Важной частью в экономике России помимо нефти и газа, является военно – техническое сотрудничество – сектор, который так же демонстрирует заметную динамику. Не зря крупными потребителями оборонной продукции России считаются именно Ближний Восток и Северная Африка. 36% поставок приходится на эти регионы (по данным на 2015 год). [5] Алжир, Египет, Иран, Ирак и Сирия являются основными покупателями вот уже несколько десятилетий. По данным СМИ, у России и Египта есть пакет контрактов в сфере ВТС примерно на 3,5 млрд. долларов, подписанный в 2014 году. [2]

В наше время самым важным звеном сотрудничества в военной сфере в ближневосточном регионе для России является Сирия. Операция в Сирии продолжается с 2015 г. И может быть охарактеризована следующими цифрами. Источником приведенных далее данных является газета «Коммерсантъ» от 30 сентября 2020. В активной фазе, длившейся до 2017, ВКС России в день совершалось до 140 боевых вылетов. По заявлению министра обороны С.К. Шойгу, в декабре 2019 года, частота вылетов была сокращена в 30 раз. В ходе всех операций, по официальным данным Минобороны, в Сирии

ВС РФ потеряли 115 человек. Больше половины потерь пришлось на 2018 год. Было совершено 44 тыс. боевых вылетов, уничтожено 133,5 тыс. объектов террористов, ликвидировано 133 тыс. боевиков. Упоминалось также, что в Сирии боевой опыт получили около 70 тыс. российских военнослужащих.

Как упоминалось ранее, российской политике присущ определенный прагматизм, и он совершенно очевиден при рассмотрении действий в Сирии. Ведь Сирия стала своеобразным «полигоном», как для испытаний новых видов вооружений, так и для того, чтобы продемонстрировать состоятельность военной техники, поднимая имидж страны в вопросах конкретно военного сектора, что в свою очередь обеспечивает задел для расширения рынка продаж, в том числе, на территории стран Персидского залива. Больше всего Россию интересует Саудовская Аравия.

Новые вооружения включали в себя ракеты, авиацию, беспилотники, корабли. Из совсем нового – лазерный комплекс «Пересвет». Всего было опробовано 360 видов нового вооружения. Именно позиция России по поводу Сирии вновь стала камнем преткновения в отношениях с США и другими западными странами. Запад отстаивал позицию о праве свободного выбора главы страны народом, Россия же рассматривала волнения в Сирии как спровоцированные «извне». Обострение взаимоотношений с Западом привели к утрате лояльности, что повлекло за собой проблемы в экономическом секторе.

Все это говорит о том, что Россия будет продолжать двигаться в направлении сотрудничества с регионом Ближнего и Среднего Востока, с присущим ей прагматизмом. России необходимо выстраивать политику в регионе на долгосрочную перспективу, формировать собственный план действий, что подразумевает сотрудничество с другими странами – как со странами региона, так и со странами Запада. Несомненно, что для стабилизации региона необходимы совместные усилия всех ответственных мировых акторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беленькая М.* Восток – дело долгое. Как Россия возвращает утраченные позиции в арабских странах. «Коммерсантъ» от 05.10.2019 г.

2. *Калинина Н.* Милитаризация Ближнего Востока: Динамика и риски // Индекс безопасности. 2016. № 3 (106). Том 19. с.43-62.

3. Малаев М., Козичев Е., Егупец А., Степанов В., Кравченко В., Гадас Ю. Война в Сирии: от бомбардировок к патрулированию. «Коммерсантъ» от 30.09.2020 г.

4. Пудовкин Е. Эксперты назвали три общих интереса у США и России на Ближнем Востоке. «РБК» от 27 февраля 2021.

5. Тренин Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы. 2016. Доклад. Московский центр Карнеги. 2016 г.

6. Шумилин А. Российская дипломатия на Ближнем Востоке: возврат к геополитике // *Russie. Nei. Visions*. 2016. №93.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАНАДЫ В АРКТИКЕ

В статье описывается политика Канады в Арктическом регионе, который имеет значение и на международном уровне. В 2019 году правительство Канады начало реализовывать новую программу развития канадской Арктики, которая направлена на улучшение социальных, экономических и других аспектов жизни коренных народов севера. Эта программа рассчитана на долгосрочное сотрудничество.

Ключевые слова: Арктика, Политика Канады, Арктическая стратегия, Северные территории, Инуиты, коренные народы.

GOVERNMENT POLICY OF CANADA IN ARCTIC

Pechura A.E.
South-Ural State University

The article describes Policy of Canada in Arctic region, which become more popular in international area. In 2019, the government of Canada began to realize a new development program of Canadian Arctic. That long-term program aimed to improve social, economic and other aspects of indigenous northern people life.

Key words: Artic, Policy of Canada, Arctic strategy, Canada's Arctic and Northern Policy Framework, Northern territories, indigenous people.

Арктический регион в Канаде представлен в виде Северных территорий (Юкон, Нунавут и Северно-Западные территории), которые занимают очень большую площадь страны (порядка 40% от всех владений Канады). В связи с суровыми климатическими условиями северные территории довольно сложны в освоении, но правительство Канады каждый год пытается улучшить жизнь в этом регионе.

Чтобы сохранить свое арктическое «сокровище» Канада нацелена на решение основных задач, а именно:

- выяснение причин и последствий изменения климата;
- устойчивое экономическое и социальное развитие;
- продвижение исследований в области Арктики;

- решение межнациональных конфликтов с коренными народами [см., например, 1,2,3].

В октябре 2019 года на сайте правительства Канады была опубликована новая арктическая стратегия под названием Canada's Arctic and Northern Policy Framework [2]. Данная программа определяет долгосрочное стратегическое планирование, которое определяет деятельность правительства Канады в Арктике до 2030 года. Также в рамках этой стратегии Канада поддерживает международное сотрудничество, нацеленное на укрепление международного порядка в Арктике и решения проблем, влияющих на население, экономику и окружающую среду Арктики и Севера Канады. Все это позволяет отражать уникальные интересы и приоритеты коренных народов северного региона. Из-за того, что к региону растет международный интерес, Канада демонстрирует свое лидерство в Арктике.

Жители севера Канады с давних времен испытывали социальное неравенство, по отношению к остальному населению страны. Так как коренные жители не имели доступа к тем же социальным услугам, то эти проблемы затрагивали такие сферы как: здравоохранение, занятость, энергетика, транспорт, общественная инфраструктура и образование. Все предыдущие северные стратегии правительства не закрывали эти пробелы, поэтому было решено совместно с коренными жителями арктического региона разработать новую программу, которая поможет устойчивому развитию региона. Также данная инициатива поможет развивать диалог Канады с инуитами, коренными народами Арктики и Севера Канады.

Таким образом, были проведены инвестиции в поддержку лучшего, более актуального и доступного образования для коренного населения. Федеральный бюджет включает Канады: поддержку соответствующих культурным особенностям и разработанных общинами курсов для студентов из числа коренных и некоренных народов севера; финансирование целевой группы по изучению вопросов образования для создания надежной системы высшего образования; выделение средств для проведения исследований на Севере. Для укрепления коренных общин были выделены средства на проекты по производству продовольствия и обучение навыкам коренных жителей севера. Федеральная инициатива по трудоустройству и туризму поддерживает культурный обмен и расширяет торговые возможности. Также существует финансирование, направленное на

медицинское и социальное обслуживание, в рамках которого строятся новые лечебные учреждения.

Что касается экологического вопроса, то канадская Арктика подвергается изменению климата примерно в 3 раза быстрее, чем в среднем по миру [3]. В последствии это все сказывается на биоразнообразии и безопасности страны. По мере того как таяние морского льда открывает судоходные пути, оно также делает доступными богатые природные ресурсы севера. Это все увеличивает коммерческие и туристические интересы в регионе, что усиливает проблемы безопасности и охраны.

В рамках новой программы были предложены меры для минимизации других факторов воздействия на окружающую среду, таких как загрязнение окружающей среды, что поможет уменьшить неблагоприятные последствия. Также для защиты окружающей среды идет разработка проектов, которые помогут с сохранением природных ресурсов, биоразнообразия, охраны и восстановления экосистем. Коренные народы также играют важную роль в помощи решения экологических проблем арктического региона страны.

Чтобы содействовать экономическому и социальному развитию, было определено финансирование в новую транспортную инфраструктуру. Правительство Канады выделило инвестиции в развитие транспортного сообщения на общую сумму более 190 миллионов долларов для строительства многофункциональных зданий, предприятий пищевой промышленности и гаваней.

Канадское правительство целенаправленно принимает все возможные действия, чтобы коренные люди канадской Арктики стали полноправными участниками канадского общества и имели доступ к тем же услугам, возможностям и уровню жизни, что и другие канадцы. Для этого в течении последующих 10 лет, в рамках Canada's Arctic and Northern Policy Framework, совместными усилиями правительства и коренного населения будут реализованы многочисленные цели и задачи, что поможет ликвидировать разрыв, существующий в этом регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Canada and the circumpolar Arctic // URL: <https://www.international.gc.ca> (дата обращения: 05.04.2021).

2. Canada's Arctic and Northern Policy Framework // URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca> (дата обращения: 05.04.2021).
3. Canada's Changing Climate Report // URL: <https://www.nrcan.gc.ca> (дата обращения: 05.04.2021).
4. Dolata P. A New Canada in the Arctic? Arctic Policies under Harper // *Études canadiennes / Canadian Studies*. 2015. № 78. P. 131–154.

БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития объединения БРИКС, а также решения проблем для устойчивого роста развития стран БРИКС в экономическом и политическом аспектах. Актуальность данного исследования обусловлена наличием огромного потенциала БРИКС в плане борьбы за влияние на мировой арене. Целью исследования является оценка перспектив развития сотрудничества БРИКС. Задачи исследования: 1) выявить цель объединения БРИКС; 2) выявить основные проблемы развития БРИКС; 3) разработать предложения по разрешению выявленных проблем; 4) обосновать вывод о наличии перспективы существования и развития БРИКС как международной правительственной организации. БРИКС имеет значительный потенциал в своем развитии, однако нуждается в реализации системы мероприятий, направленных на эффективное функционирование. В связи с этим, в статье разработаны и обоснованы предложения по усовершенствованию организации и функционирования БРИКС. Для достижения цели были проанализированы многосторонние документы БРИКС с 2009 по 2020 г., а также материалы встреч группы.

Ключевые слова: БРИКС, глобальный кризис, интеграция, мировая экономика.

BRICS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Serokurova D.S.
South-Ural State University

The article examines the problems and prospects of the BRICS unification, as well as solving problems for the sustainable growth of the development of the BRICS countries in the economic and political aspects. The relevance of this study is due to the enormous potential of the BRICS in terms of the struggle for influence on the world stage. The aim of the study is to assess the prospects for the development of BRICS cooperation. Research objectives: 1) to identify the purpose of the BRICS

association; 2) identify the main problems of the BRICS development; 3) develop proposals for resolving the identified problems; 4) substantiate the conclusion about the existence and development of the BRICS as an international government organization. BRICS has significant potential in its development, but it needs to implement a system of measures aimed at effective functioning. In this regard, the article developed and substantiated proposals for improving the organization and functioning of the BRICS. To achieve the goal, the multilateral documents of the BRICS from 2009 to 2020, as well as the materials of the group's meetings, were analyzed.

Key words: BRICS, global crisis, integration, world economy.

Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика) совокупно занимают более чем 1/4 суши в мире, более 40% населения мира и имеют объединенный валовой внутренний продукт, который насчитывает (по ПСС) 18,924 триллионов долларов [1]. «Пятерка» стран охватывает все континенты, отражая интересы всего развивающегося мира. Почти в каждом аспекте сравнения они будут самым глобальным объектом. Каждая страна данного объединения богата важными экономическими ресурсами в мировой экономике.

Основная цель объединения БРИКС – это рост развития экономики и социальной стабильности стран-участниц, основанные на сотрудничестве и интеграции между собой. Также, в результате деятельности данной группировки предполагается, что БРИКС будет находиться в наиболее выгодной позиции на международной арене, как в экономическом, так и политическом аспектах. БРИКС выступает за сотрудничество всех стран при соблюдении их суверенитета и культурно-цивилизационной идентичности, объединяет страны с различными культурно-цивилизационными, историческими, религиозными и этническими характеристиками. В этом плане БРИКС – качественно новая, уникальная модель полицентрического мира.

На саммитах лидеры стран БРИКС затрагивают очень важные и актуальные вопросы, стоящие не только перед странами БРИКС, но и перед всем миром. Особенно на повестках дня «пятерка» выделяет финансово-экономические вопросы, вопросы безопасности и мира, кроме того все страны БРИКС выступают за переход глобаль-

ной экономики от однополярного мира к многополярному. Данная организация за не долгий период своего существования смогла рекомендовать себя сильным актором на мировой арене.

Однако страны БРИКС имеют ряд проблем в своем развитии: высокий уровень инфляции и безработицы, различия уровня развития стран-участниц, различия в правовых системах, недостаточно эффективный путь экономического развития, различный уровень цифрового развития, различия в структуре экономик и мировой кризис, вызванный пандемией COVID-19.

Несмотря на все трудности, БРИКС может преодолеть вышеперечисленные проблемы, и для этого необходимо сконцентрироваться на преодолении цифрового разрыва и получении общих выгод от цифровизации, перестать зависеть от запасов природных ресурсов, рассмотреть возможность расширения БРИКС, поддерживать органы ООН в выполнении надлежащей роли во время борьбы с COVID-19 и обезопасить население от последствий пандемии, ввести структурные реформы и развивать интеграцию между собой.

Безусловно, мы можем заметить, что страны БРИКС достигли значительного прогресса во взаимном сотрудничестве и стремятся его развивать еще больше. В дальнейшем у данного сотрудничества есть шансы занять достойное место на международной арене. Данные предположения можно подтвердить достигнутыми успехами стран БРИКС: такими, как реформирование международных финансовых институтов, создание собственного Банка развития, а также развитие на политической арене. Вполне вероятно, что улучшение экономики этих стран приведет к восстановлению экономики и росту благосостояния их народов. Однако, необходимо время для достижения таких высоких результатов. Но при этом, стоит отметить, что высокий экономический рост не гарантирует повышения благосостояния страны в целом из-за несоответствий между доходами богатых и бедных в странах БРИКС.

БРИКС вполне может являться центром для усиления многосторонности и укрепления глобального управления. Новый мировой кризис усиливает актуальность наращивания экономической интеграции между странами БРИКС и необходимо ускорить создание новых финансовых инструментов. Развитие сотрудничества в рамках формата БРИКС+ также должно являться одной из основных задач объединения БРИКС.

Исходя из быстро меняющегося мира, скорее всего, в следующем году перечень задач, стоящих перед БРИКС, увеличится. Но мир и безопасность населения всегда будет приоритетной целью для сотрудничества БРИКС. 2020 год был полон неожиданных и непредсказуемых событий на мировой арене. Странам БРИКС было важно показать свое лидерство. 2021 год будет обусловлен вопросами улучшения здравоохранения и преодоления экономического спада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. БРИКС: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <https://clck.ru/Rvw2s> (дата обращения: 07.04.2021).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В КОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье рассказывается о потенциале Китая в сфере космических технологий. Статья написана с целью изучить развитие международного сотрудничества КНР в космической сфере с ее позитивным и негативным опытом, учитывая многочисленные факторы. Также в статье описано взаимодействие Китая с США, Россией, Филиппинами, Венесуэлой, Пакистаном, Нигерией, Боливией, Алжиром и некоторыми другими странами в космической сфере. Результаты работы могут использоваться для прогнозирования будущего развития Китая и других стран в космической отрасли.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, космос, сотрудничество, космическая промышленность, космическое пространство, военный потенциал.

CHINA'S INTERNATIONAL SPACE COOPERATION

Skulyberdina A.Y.
South-Ural State University

The article describes the potential of China in the field of space technology. The article was written with the aim of studying the development of China's international cooperation in the space field with its positive and negative experiences, taking into account numerous factors. The article also describes the interaction of China with the United States, Russia, the Philippines, Venezuela, Pakistan, Nigeria, Bolivia, Algeria and some other countries in the space sector. The results of the work can be used to predict the future development of China and other countries in the space industry.

Key words: China, Russia, USA, space, cooperation, space industry, outer space, military potential.

Китай – один из главных инициаторов сотрудничества в космической сфере между разными странами. В 2012 г. была выдвинута

концепция создания сообщества с единой судьбой, в рамках которой в целях развертывания сотрудничества по мирному освоению космического пространства Китай подписал соглашения с более чем 30 странами и организациями, включая Россию, Казахстан, Германию, Францию.

Китай также внес свой вклад в развитие мировой космической промышленности, оказав помощь более чем 20 странам и районам мира в запуске 50 различных космических аппаратов и экспортировав искусственные спутники 9 странам.

В середине мая 2017 г. в Пекине прошел Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и Пути», на котором Китай выдвинул план действий по научно-техническому и инновационному сотрудничеству между странами «Пояса и пути». Также Китай призвал эти страны усилить сотрудничество по таким взаимовыгодным направлениям, как запуск искусственных спутников, морская навигация и археологические исследования [5, с. 317].

Одним из наиболее важных партнеров КНР по освоению космоса является Россия. Китайская космическая программа совершила существенный скачок в 1990-е гг., в том числе благодаря российским технологиям. В 1992 г. Москва и Пекин заключили Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Результатом стали 93 контракта, включая продажу Пекину схем строительства корабля «Союз» со всем оборудованием и скафандрами, а также помощь в тренировке тайконавтов в Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина.

Россия и КНР реализуют множество совместных космических проектов — «Луна-Глоб» и «Фобос-Грунт», создание космических обсерваторий «Ультрафиолет» и «Радиоастрон». Кроме того, проводится обсуждение создания единой электронно-компонентной базы для всей наземной аппаратуры потребителей систем связи и навигации [4].

Другая космическая держава, США, не была к Китаю так благосклонна. Сотрудничество началось на оптимистичной ноте: в 1979 г. между странами было заключено Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве в космической сфере. С 1989 по 1990 год США и Китай заключили 3 соглашения о сотрудничестве в космосе. Это позволило Китаю взять на себя работу по выводу на орбиту американских спутников связи.

В то время из всех запусков космических аппаратов в мире до 80 % приходилось на Соединенные Штаты. В связи с этим у США возникла проблема нехватки ракет-носителей. Использовать советские ракеты было невозможно. Идея поручить эту задачу Китаю, который Соединенные Штаты в то время считали «дружественным неприсоединившимся государством», привела к заключению американо-китайских космических соглашений.

В 1990-х гг. Китай запустил в космос 19 американских коммерческих спутников (шесть пусков были неудачными), выведя сотрудничество между двумя странами на новый уровень. В процессе сотрудничества выяснилось, что часть американских технологий, «повышающих точность китайских баллистических ракет», оказалась в руках китайцев, причем некоторые из них были переданы им компаниями США Hughes и Loral добровольно. Результатом стало прекращение сотрудничества США и Китая в области космических запусков, а потом и во всех остальных сферах.

Поскольку Китай становится самостоятельной космической державой, укрепляющей свои позиции практически во всех областях космических исследований, такое активное развитие не могло не привлечь внимание мирового сообщества, в особенности США.

«Лунная программа» Китая будет осуществляться одновременно с программой США по исследованию Марса. Поэтому для Соединенных Штатов очень важно в 2039 г. высадить астронавтов на Марсе, чтобы высадка тайконавтов на Луну не имела такого значения по сравнению с достижением США [6].

Помимо этого, опасность для США состоит еще и в том, что Китай, как новый серьезный участник космической деятельности, привлекает к себе все больше заинтересованных стран, не имеющих возможности самостоятельно пускать ракеты. Это может создать в будущем большой перевес в сторону КНР, США начнет уступать свое космическое лидерство.

Вместе с тем, не только Китай рассчитывает в 2030 г. высадить человека на Луну. Такие же планы имеет и его конкурент – Япония. Более того, в 2025 г. она надеется оборудовать на Луне обитаемую исследовательскую станцию. В последнее десятилетие в Азии ведется космическая гонка: Китай – Япония – Индия [1].

Испытания противоспутниковых (в 2010 г.) и противоракетных (в 2013 г.) технологий и развитие космических информационных си-

стем также усложняют ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти испытания обусловлены военно-политической ситуацией в регионе (создание системы ПРО в Азии, продажа Соединенными Штатами оружия Тайваню). Китай вынужден наращивать свой военный потенциал [2].

В будущем число конфликтов может увеличиться. Аналитиков Индии тревожит «расширение общих территорий», в которые входят киберпространство, открытый космос, а также Мировой океан. Эти общие территории могут стать областями применения ядерного оружия [2].

Таким образом, космическая сфера становится приоритетной для многих государств, все больше стран заинтересовано в участии в космической деятельности.

После утраты связей с США Китай в поисках клиентов в области космических запусков среди третьих стран естественным образом открыл для себя рынок развивающихся государств, а возникающие при этом двусторонние отношения вследствие разницы между потенциалами сторон приобрели форму доминирования и подчинения.

Китай создал и вывел на геостационарную орбиту первые спутники для Филиппин (1997 г.), Венесуэлы (2008 г.), Пакистана (2011 г.), Нигерии (2011 г.), Боливии (2013 г.), Лаоса (2015 г.) и Алжира (2017 г.), а в дополнение каждая из этих стран доверила Китаю и строительство своих наземных космических объектов [3].

Когда вторым партнером выступает небогатое государство, во многих случаях расходы на космические запуски изначально покрываются китайскими кредитами. Развивающимся странам, вступающим в технологическую связь, постоянную только отчасти, вместе с тем приходится брать у Китая долгосрочные займы, что вынуждает их выстраивать с этой страной финансовые отношения практически неразрывного характера.

Пользуясь технологиями и займами в качестве рычагов давления, Китай обретает привилегированные возможности участия в подрядах на выполнение общественных работ. Поскольку аналогичным образом появляется и возможность обеспечивать себе права на разработку ископаемых ресурсов, а также права на закупку нефти и т. п., Китаю удастся выстраивать со странами-клиентами эффективные связи. Освоение космоса служит поводом для завязывания обширных и глубоких отношений.

В 2014 г. в Пекинском университете авиации и космонавтики, расположенном в пригороде китайской столицы, появился научный центр ООН. Этот орган для образования и проведения исследований высокого уровня получил название Азиатско-Тихоокеанский региональный центр космического научно-технического образования (RCSSTEAP). Организация Объединенных Наций учредила подобные центры в разных регионах мира, и центры космического научно-технического образования уже существуют в Индии, Иордании, Марокко, Нигерии, Мексике и Бразилии [3].

Таким образом, Китай широко развивает международное сотрудничество в сфере освоения космоса. Одним из наиболее важных партнеров КНР по освоению космоса является Россия. До недавнего времени партнером в данной сфере были также США. Сейчас Китай налаживает взаимоотношения с ООН и развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом космическая сфера становится приоритетной для многих государств, все больше стран заинтересовано в участии в космической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Прокопенкова И.О.* Космический сектор Индии и Китая – особенности и перспективы развития на современном этапе. URL: <https://riss.ru> (дата обращения: 19.01.2021)

2. *Прокопенкова И.О.* Международное сотрудничество в сфере космических технологий. Фактор Китая и Индии. URL: <https://riss.ru> (дата обращения: 19.01.2021).

3. *Сэцуко А.* Доминирование Китая в отношениях с развивающимися странами в космической сфере. URL: <https://www.nippon.com> (дата обращения: 19.01.2021).

4. *Тайный Р.* Красный код. Как Китай копировал космические достижения СССР. URL: <https://www.forbes.ru> (дата обращения: 19.01.2021).

5. *Фарафонов А.В.* Космическая программа Китая в контексте политической концепции «мирного возвышения» // Гагаринские чтения. 2018. С. 317–318.

6. *Ходаренок М.* Второй фронт: Китай обходит США в космической гонке. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 19.01.2021).

СЕТЕВАЯ ДИФфуЗИЯ ВЛАСТИ

В статье уделено внимание изменению современного общества – становлению общества Сети, существенно влияющего на характер власти. Рассматривается необходимость разработки коммуникационной стратегии власти в условиях формирования сетевого общества.

Ключевые слова: власть, информационное общество, коммуникационная стратегия, политическая культура, политическое поведение, сеть.

NETWORK DIFFUSION OF POWER

Strezhnev V.O.
South-Ural State University

The article pays attention to changing modern society– the formation of the Network society, which significantly affects the nature of power. The article discusses the need to develop a communication strategy for the authorities in the formation of a network society.

Keywords: power, information society, communication strategy, political culture, political behavior, net.

Современное общество предстает перед нами как общество господства Сети, что не может не сказаться на организации и деятельности власти – она сама становится коммуникацией [2]. Реальные общества начинают управляться в сетевом пространстве. Государственные и политические структуры и их представители создают свои аккаунты, публикуют официальную и не только информацию, размещают свои оценки тех или иных событий, журналисты и граждане публикуют аналитические материалы, граждане участвуют в общественных слушаниях и т.п. Так формируются сетевая политическая культура и поведение, которые выходят далеко за рамки виртуального пространства [8]. В Сети активно ведется борьба за привлечение внимания аудитории и ее удержания, потому что

«отношения власти основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа» [1: 249]. Постепенно формируются «политические» города, вырастая из «умных» и вырабатываются коммуникационные стратегии власти [5].

Процесс выработки и реализации коммуникационных стратегий власти носит сложный характер и довольно противоречив, как в технологическом, так и социальном аспектах [6]. При этом именно технологический следует признать базовым для формирования этих стратегий, поскольку информационные технологии непосредственно взаимодействуют с сознанием человека. Более того, техника и технологии являются необходимым условием строительства организации нового – сетевого – типа общества, децентрализуемого путем создания различных сетей. Как следствие, властные стратегии коммуникации, выстраиваясь по схеме интерактивного гипертекста, имеют довольно слабый регулятивный потенциал [6: 62–63]. Тем самым создаются благоприятные условия для имитации диалога власти с обществом – сообщения от граждан могут не являться таковыми, да и их выполнение также может не соответствовать действительности. Хотя власть и прилагает усилия к выстраиванию коммуникации с гражданами в сетевом пространстве, она (коммуникация) носит преимущественно формальный характер [4; 7]. Во-первых, власть видит в информации от граждан сигнал, требующий решения с ее стороны, а не совместной работы с гражданами. Во-вторых, муниципалитеты, особенно небольших городов и населенных пунктов, финансово ограничены. В-третьих, идентификация пугает граждан, приводя к отказу от диалога. Коммуникационная стратегия приобретает информационный характер. Следовательно, необходим поиск новых наиболее эффективных инструментов реализации коммуникационной стратегии власти, одним из которых становится саморазвитие, как субъекта, так и объекта коммуникационной стратегии, формирование их новых компетенций. Субъекту нужно научиться преодолевая бинарность «мы и они», нести ответственность за свою деятельность, объекту – рационально-критически, а не эмоционально оценивать действия власти. В противном случае скрытость намерений власти и отсутствие должного интереса к ним поставят под вопрос не только эффективность осуществления коммуникации, но и весь процесс преобразований России [3:

90–108]. Поэтому важно перенести акцент формирования и развития коммуникационной стратегии с технологического на социальный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с.

2. *Прилукова Е.Г.* Реальность showmustgoon // Восемнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Материалы международной научно-практической конференции. Составитель И.Н. Морозова. Челябинск: ЧГИК, 2020. С. 189–195.

3. *Соловьев А.И.* Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 90–108

4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы от 9.05.2017 г. // URL: <http://static.kremlin.ru> (дата обращения: 07.04.2021).

5. *Что будут представлять из себя «умные города» к 2024 году* // URL: <http://www.cnews.ru> (дата обращения: 07.04.2021).

6. *Шамахов В. А., Балашов А. И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.

7. *Штриков С.А.* Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 57–68.

8. *Bode L., Vraga E.K., Borah P., Shah D.V.* A news pace for political behavior: Political social networking and its democratic consequences // Journal of Computer-Mediated Communication 2014. № 19 (3). P. 414–429.

Чаплыгин М.Е.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Челябинский филиал
г. Челябинск

**СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В ЧЕЛЯБИНСКЕ
В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВВ.:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов осмысления процесса становления институтов гражданского общества на региональном уровне. Каждый регион страны имеет свои особенности формирования таких институтов. Тем не менее, есть и ряд общих закономерностей, которые необходимо учитывать. Одной из закономерностей становится сегодня цифровая трансформация всех форм организации жизнедеятельности государства, в том числе и гражданского общества. Создание цифровых двойников гражданского общества может внести серьезные коррективы в актуальную политическую реальность.

Ключевые слова: гражданское общество, регион, добровольчество, политическое участие.

**FORMATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS
IN CHELYABINSK
AT THE END OF XX-BEGINNING OF XXI CENTURIES:
TO THE FORMULATION OF THE QUESTION**
Chaplygin M.E.
**The Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (RANEPA), Chelyabinsk Institute**

The article considers the theoretical aspects of understanding the formation of civil society institutions at the regional level. Each region of the country has its own characteristics of the formation of civil society institutions. However, there are a number of general patterns that need to be taken into account. One of the regularities today is the digital

transformation of all forms of organizing the life of the state, including civil society. The creation of digital twins of civil society can make serious adjustments to the current political reality.

Key words: civil society, region, volunteerism, political participation.

Тема гражданского общества не нова для научного сообщества – она постоянно в центре внимания исследователей [1; 4; 10 и др.]. Обусловлено это не столько осмыслением самого феномена гражданского общества, сколько появлением и проявлением его новых форм в различных странах независимо от уровня демократического характера его политической системы и режима. Динамичность жизни современного мира требует изменений в организации жизнедеятельности индивидов, которые, так или иначе, вовлекаются во всевозможные гражданские практики и политический процесс, поскольку назначение гражданского общества – активизировать инициативу и дать возможность гражданам не только реализовать свои властные полномочия, но и нести ответственность за результаты властвования. Развитие российского гражданского общества не является в этом плане исключением [12]. При этом важно подчеркнуть, что становление гражданского общества довольно длительный, многоаспектный и сложный процесс, имеющий свои характерные черты в каждом регионе страны в силу развития архитектуры социально-политического пространства государства. Вероятно, данный факт во многом определяет невозможность механического переноса зарубежного (преимущественно западного) опыта в российские реалии, который подробно представлен в современной отечественной литературе и на который во многом ориентируется правящая политическая элита [4; 13]. Хотя, справедливости ради отметим, что ни в прошлом, ни в настоящем не выработано единой концепции и единого подхода к определению четких признаков гражданского общества. Вместе с тем, само возникновение и формирование общества активных граждан неразрывно связано с развитием государства и государственности. Потеря человечеством «естественного состояния войны всех против всех» и усиливающееся взаимодействие людей потребовали заключения договора о создании государства: «...первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств

против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть...» [5, с. 127–128].

В конце XX в. произошла серьезная трансформация понимания гражданского общества – оно превратилось в некую автономию граждан от государства, а его отношения с государством оказались все более асимметричными. Эта асимметрия проявляется, прежде всего, в том, что государство в любой момент может ввести ограничения на действия гражданского общества в публичной сфере [2; 3; 6]. При этом в литературе по вопросам гражданского общества сохраняется призыв и к его гегелевской интерпретации, как вне семейных и вне государственных объединений граждан [1; 14]. Несмотря на многочисленные исследовательские программы, связанные с осознанием гражданского общества и его взаимодействия с государством, все они предполагают работу с поиском форм наиболее разумного и целесообразного устройства человеческого бытия [12, с. 42]. Это отчетливо продемонстрировал начавшийся XXI век и его первое десятилетие, указав на стремление гражданского общества и гражданина отказаться от опеки со стороны государства, одновременно уповая на его спасительную роль (время пандемии яркое тому свидетельство). Применение новых технологий и вынужденное их доминирование в прокатившуюся по миру череду локдаунов неизбежно сказались и на появлении новых форм проявления активности гражданских инициатив.

История формирования и деятельности институтов гражданского общества города Челябинска обычно связывается с началом работы Общественной палаты области [8]. Сегодня в городе действуют различные группы общественных и общественно-политических движений, среди которых следует назвать, прежде всего, экоориентированные («СтопГОК», «Стоп Смог», «Челябинск дыши» и т.п.). Одни из них оказывают реальное влияние на политическую жизнь в городе и известны в субъекте Федерации, другие – только заявили о себе громко [9]. Тем не менее, как первые, так и вторые переживают цифровую трансформацию, позволяя тем самым формировать совершенно иного актора публичной политики – виртуального. Свидетельство этому то, что четвертый Южно-Уральский гражданский форум как площадка диалога общества с властью, в 2020 г. прошел в онлайн-формате. Городская администрация проводит общественные слушания также в этом формате как возможность установить

диалог с гражданским обществом [11]. Отмечается активное использование негосударственным сектором технологий политической коммуникации в сетевом пространстве и формирование своей политической аудитории [15].

Однако деятельность институтов гражданского общества в областном центре пока не получает должного внимания со стороны, как научного сообщества, так и реально действующих политиков. Между тем социальные сети и возможности новых технологий способны сформировать действующие общественные и общественно-политические силы в актуальной реальности, в том числе и деструктивного характера.

Таким образом, гражданское общество ищет новые пути в изменении социальных инициатив и требует пристального внимания к себе, потому что оно организует региональный социум, защищая интересы граждан от авторитаризма государства, хотя и не всегда умело [7, с. 42]. Однако именно от характера и уровня его развития во многом зависит инвестиционный климат и эффективность региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арато Э., Коэн Дж. Л.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
2. *Бредли Дж.* Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 3–26.
3. *Гладышева Ю.Ю.* Проблемы соотношения гражданского общества и государства, их взаимного функционирования // Общество и право. 2011. № 4. С. 51–54.
4. *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика* / под ред. А.Е. Лебедева, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2011. 348 с.
5. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. Кн. 1. С. 127–128.
6. *Грудцына Л.Ю., Петров С.М.* Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 19–29.
7. *Гужавина Т.А.* Гражданское общество: вопросы самоорганизации на региональном уровне // Вестник Поморского университета. 2010. № 3. С. 42–45.

8. *Доклад о состоянии гражданского общества в Челябинской области в 2019 г.* Челябинск: Общественная палата Челябинской области, 2020. 160 с. // URL: <https://op74.ru> (дата обращения 21.03.2021).

9. *Зырянов С.Г., Аверьянова, Д.В., Иголкин К.С., Лукин А.Н.* Активность граждан и общественных объединений, как показатель состояния и развития гражданского общества (на примере Челябинской области) // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1953-1966.

10. История добровольчества в России. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения 04.04.2021).

11. *Киселев К.В., Ляпустина М.В., Руденко В.Н.* Публичные слушания в муниципальных образованиях. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 154 с.

12. *Колесникова Н.А., Рябова Е.Л.* Гражданское общество в современной России. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 266 с.

13. *Мерсиянова И.В.* Повседневные практики гражданского общества в образе жизни россиян // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 книгах. 2012. № 1. С. 207–216.

14. *Политика: толковый словарь. Русско-английский.* М.: INFRA-M, 2001. С. 121.

15. *Челябинская область признана лучшим регионом по уровню организации взаимодействия органов власти и НКО.* URL: <https://m.gubernator74.ru> (дата обращения 21.03.2021).

Шамин М.А.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КОСМОСА

Статья посвящена теме популяризации космоса через агитационные плакаты. Советский Союз являлся одним из наиболее передовых государств в самых разных сферах и космическое направление не стало исключением. Спутник, Гагарин, МИР, Буран и многие другие достижения советской власти широко известны, но как столь трудоемкие и финансово зависимые проекты искали свое обоснование и свою необходимость среди советского народа? На основе исследования различных плакатов советской эпохи, формулируются возможности перенимания потенциала советского плаката и использования его, или работ на его основе в сложившейся современной обстановке в агитационно-просветительских целях.

Ключевые слова: космос, популяризация, советский плакат.

THE POTENTIAL OF THE SOVIET POSTER IN THE POPULARIZATION OF SPACE

Shamin M.A.
South-Ural State University

The article discusses the topic of space popularization through propaganda posters. The Soviet Union was one of the most advanced states in various fields, and the space sector was no exception. Sputnik, Gagarin, MIR, Buran and many other achievements of the Soviet government are widely known, but how did such labor-intensive and financially dependent projects find their justification and their necessity among the Soviet people? Based on the study of various posters of the Soviet era, the possibilities of adopting the potential of the Soviet poster and using it, or works based on it, in the current modern situation for propaganda and educational purposes are formulated.

Keywords: space, popularization, soviet poster.

Плакаты советской эпохи, являясь документом времени, четко выражали ее дух: мобилизация населения страны на достижение поставленных целей. Добиться мобилизации можно разными способами, одним из которых является пропаганда через культуру и искусство. Данная сфера располагает внушительным потенциалом для внедрения заданного отношения к миру и обществу. Действенным средством советской пропаганды были плакаты, репрезентирующие стремление советского народа к знаниям, позволившим проникать в космические глубины [1; 2; 5 и др.].

В рамках данной статьи мы обратимся к основным идеям нескольких плакатов «космической» тематики, расположив их в хронологическом порядке. Отправной точкой послужит значимое событие – запуск первого искусственного спутника Земли – отечественного «Спутник-1» 4 октября 1957 г. и запуски «Спутник-2» и «Спутник-3» в ноябре того же года и мае следующего соответственно. Сложно переоценить вклад советских ученых и инженеров в состоявшийся запуск, но «Спутник-1», это результат работы не только их, но куда большей части населения СССР, если не сказать, что всего Советского Союза. Это отчетливо предьявлено в плакате Б. Викторова «Отчизна! Прогресса и мира звезду Ты первой зажгла над землею. Слава науке, слава труду! Слава советскому строю!» от 19 июля 1958 г.[3]. Текст и визуальная составляющая плаката отчетливо формируют образ передового государства, сумевшего организовать как систему образования и науки, так и промышленность страны, позволив ему стать пионером в освоении космоса.

Работа С. Низовой «Будем учиться, трудиться, расти. К звездам далеким проложим пути!» от 31 июля 1958 г. [3] показывает счастливых детей, жестом рук демонстрирующих запуск советского спутника на фоне космического пространства. Синтез текста и визуального ряда позволяет нам говорить, что целевая аудитория плаката – школьная и даже дошкольная. В тексте отчетливо прослеживается связь между образованием и его достижениями. Следовательно, плакат может мотивировать детей к развитию буквально со школьной скамьи.

Еще одна работа В. Викторова «Слава первому космонавту Ю.А. Гагарину!» от 15 апреля 1961 г.[3] визуально строится на двух составляющих. Во-первых, мы видим ракету, отправляющуюся в космическое пространство, а во-вторых, космонавта-героя в лице Юрия

Алексеевича Гагарина. Анализ содержания плаката показывает, что он нацелен на поднятие престижа профессий, связанных с космической отраслью, при этом, акцент поставлен, в первую очередь, на профессию космонавта.

Достижения космической отрасли страны вкупе с пропагандой сделали профессиональную карьеру космонавта целью огромного числа молодежи. Вывод на орбиту «Спутника-1» и полет Ю.А. Гагарина стали началом в планировании своего будущего у многих школьников и студентов. Дальнейшие прорывы в области изучения космоса только укрепляли их устремления.

Таким образом, советские «космические» плакаты демонстрируют пример действенного инструмента пропаганды, нацеленной, в первую очередь, на развитие, как личности, так и общества в целом. На его эффективную действенность указывают в дальнейшем все новые и новые космонавты-герои, совершавшие подвиг, управляя сложнейшей техникой и выходом в открытое космическое пространство, так и ученые и инженеры, совершавшие свой подвиг каждый разсясь за чертежную доску создавая новое слово в науке и технике. Поэтому мы полагаем, что советский опыт можно применять и современных российских реалиях.

С распадом Советского Союза страна вошла в сложный переходный период, что не могло не сказаться на космической отрасли. Закрывались КБ, сворачивались перспективные программы, такие как «Энергия-Буран» и «Мир-2», но со временем ситуация в стране стабилизировалась и программы по изучению космического пространства вновь начали приобретать актуальность. Однако столь масштабные трансформации общества не могли не сказаться в общественном сознании населения страны. Так если во времена СССР почти каждый юноша мечтал посвятить свою жизнь космосу, то теперь ситуация значительно изменилась. Например, в 2012 г. в стране проживало 143 млн. человек [6], но только 304 заявления было подано в комиссию по отбору космонавтов [4]. Профессия космонавта перестала быть привлекательной.

Учитывая советский опыт, необходимо вновь прибегнуть к активному использованию различных агитационных плакатов с целью стремительного развития отечественного космоса, поскольку космическая отрасль является ведущей в технико-технологическом и научном планах. Изучение космоса оказывает значительное вли-

ание на развитие науки и техники и, тем самым, на благосостояние людей в целом. Поскольку современность требует и соответствующих времени решений, необходимо внести определенные изменения в содержание плакатов. Советский Союз был построен, в первую очередь, на своей четкой идеологической программе, которой у современной России пока нет. В связи с этим, необходимо сделать упор не на вопросы идеологического характера, а конкретно на людей и их возможности. Во времена СССР космическая отрасль активно развивалась и вселяла уверенность в реализации будущих планов. Необходимо в новых агитационных плакатах показать динамику современной российской космической отрасли, демонстрируя как существующие наработки, так и перспективные проекты, исключая тем самым установку на эксплуатацию «Роскосмосом» советских наработок. Демонстрация перспективных проектов в плакатах будет способствовать и формированию новой установки на существование активной деятельности внутри самого «Роскосмоса», что позволит активнее мотивировать молодых людей связывать свою жизнь с развитием отечественного космического производства.

Создав новый формат агитационных плакатов, важно определиться с местами их размещения. Учитывая общую сложность формирования специалистов космической отрасли, размещать плакаты необходимо, в первую очередь, в образовательных учреждениях всех уровней для постепенного мотивирования учащихся.

Таким образом, повысив привлекательность отечественной космической отрасли, Российская Федерация сможет добиться увеличения конкурентоспособности на мировом рынке, реализуя все более и более сложные проекты, становясь примером для международных партнеров и продолжая славные традиции советского космоса. Страна получит цель, специалистов и одну из идей интеграции общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Александрова М.В., Багновская Н.М. Стилистика советского плаката в современной массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 367–372.*

2. *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. 444 с.*

3. История пропаганды. URL: <https://propagandahistory.ru> (дата обращения 04.04.2021).
4. *Стейнерт А.* Профессия космонавт. Изд-во АСТ, 2017. 256 с.
5. *Тарабукин Н.М.* Искусство дня. М., 1925. 134 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 30.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бойко Алёна Викторовна – аспирант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Болотова Юлия Сергеевна – студент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск

Вагина Татьяна Сергеевна – аспирант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Ван Хуэйхуэй – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Ван Цзинвэнь – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Зырянов Илья Алексеевич – студент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Кондрашкина Анна Алексеевна – студент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Ли Мэйци – аспирант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Печура Анастасия Евгеньевна – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Русалина Анастасия Валерьевна – студент, Челябинский государственный университет

Серокурова Дарья Сергеевна – студент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Стрежнев Виктор Олегович – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Фейгин Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Южно-Уральский государственный университет

Чаплыгин Михаил Евгеньевич – магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, г. Челябинск

Чжан Тао – аспирант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Чжао Сюэ – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Шамин Максим Александрович – магистрант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Научное электронное издание

STUDIUM JUVENIS

**Межвузовский сборник трудов молодых ученых
Выпуск 13**

Научный редактор

Ольга Николаевна Кондратьева, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы,
Кемеровский государственный университет

Ответственный редактор

Наталья Николаевна Кошкарлова,
доктор филологических наук, профессор
кафедры международных отношений, политологии и
регионоведения,
Южно-Уральский государственный университет

Издательство: Библиотека А. Миллера
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159.